

A woman with dark hair styled in an updo, adorned with a green gemstone hairpin, is the central figure. She wears a dark blue dress with black lace sleeves and a blue lace skirt. She holds a brown leather box with a green gemstone clasp. The background features a stone castle with a blue roof and a large stone urn with purple flowers to the left. The scene is set against a clear blue sky.

Бертрис
СМОЛЛ

Коварство
и любовь

Гарем Бертрис Смолл (АСТ)

Бертрис Смолл
Коварство и любовь

«АСТ»

1994

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Смолл Б.

Коварство и любовь / Б. Смолл — «АСТ», 1994 — (Гарем
Бертрис Смолл (АСТ))

ISBN 978-5-17-099881-4

После скандального развода с четвертой женой, принцессой Клевской, неукротимый Генрих VIII собрался жениться на прелестной фрейлине Ниссе Уиндхем... но в результате хитрой придворной интриги был вынужден выдать ее за человека, жестоко скомпрометировавшего девушку, — лихого и бесбашенного Вариана де Уинтера. Как ни странно, повеса Вариян оказался любящим и нежным мужем, но не успела новоиспеченная леди Уинтер поверить своему счастью, как молодые супруги поневоле оказались втянуты в новое хитросплетение дворцовых интриг. И на сей раз игра нешуточная, ведь ставка в ней — ни больше ни меньше чем жизни Вариана и Ниссы... Ранее книга выходила в русском переводе под названием «Вспомни меня, любовь».

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-099881-4

© Смолл Б., 1994

© АСТ, 1994

Содержание

Пролог	6
Часть 1	9
Глава 1	9
Глава 2	21
Глава 3	39
Глава 4	54
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Бертрис Смолл
Коварство и любовь
Роман

Bertrice Small

Love, remember me

© Bertrice Small, 1994

© Перевод. Е.Ю. Елистратова, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Пролог

Хэмптон-Корт, осень 1537 года

Королева умерла. Она благополучно разрешилась крепким, здоровым младенцем – в пятницу, двенадцатого октября, в два часа утра. Находившийся в Эшере король, узнав о рождении принца, вскочил на коня и во весь опор помчался в Хэмптон-Корт, чтобы увидеть сына. Младенец был светловолосым, с крепенькими ручками и ножками. Генри Тюдор был переполнен радостью. Наконец-то у него появился сын-наследник! Он даже ощутил некоторую благосклонность к обеим своим дочерям – болезненной и до фанатизма набожной Марии, которая вечно смотрела на него исподлобья, и крошке Елизавете, дочке Нэн. Ну, уж об этой-то чем меньше вспоминаешь, тем лучше – дерзкая девчонка. И в свои три года слишком много знает. Однако Джейн, благослови ее Господь, полюбила обеих его дочек. Она хотела, чтобы они находились при дворе вместе с ней. Мария могла составить ей компанию, а Бесс предстояло воспитываться вместе с их сыном.

– Ты славно потрудилась, милая, – сказал король своей королеве. Он коснулся поцелуем лба, а затем погладил протянутую к нему маленькую руку. – Ладный получился паренек, но мы заведем еще нескольких, чтобы ему не скучать в одиночестве, правда, Джейн? – Король просиял ласковой улыбкой. – Трех или четырех наследников английского престола!

Король упивался торжеством и теперь мог считать, что справедливость восторжествовала. Господь одобрял его деяния последних лет, вот и даровал ему наконец сына.

Джейн Сеймур ответила мужу вымученной улыбкой. Роды были долгие и тяжелые, тянувшиеся почти три дня. Однако было необходимо выбрать имя их сыну.

– Как бы вы хотели его назвать, милорд? – спросила она у короля.

Сейчас ей совсем не хотелось думать о рождении еще троих-четверых детей. Слишком свежи воспоминания о только что перенесенных мучениях. В глубине души она даже задалась вопросом: стали бы мужчины настаивать на куче детей, если по милости божьей рожали их сами?

– Эдуард. Моего сына следует назвать Эдуардом.

Королевские герольды помчались во все концы страны, чтобы объявить народу, что король Генрих VIII и юная королева Джейн стали родителями здорового младенца мужского пола. Колокола всех церквей Лондона начали счастливый перезвон, который не смолкал целый день и добрую часть ночи. И в каждой церкви Англии пели «Тебя, Господи, славим» – отметить появление на свет принца Эдуарда! Повсюду жгли костры. Лондонский Тауэр буквально скрылся в синеватом дыму, как две тысячи раз прогремели пушки в честь новорожденного наследника. Хозяйки развесили гирлянды над дверями своих домов и начали готовить блюда для праздничных обедов, которые неминуемо должны были последовать за счастливым днем. Дары и добрые пожелания уже стекались в Хэмптон-Корт. Кто знает – где и на кого падет благосклонное внимание короля в свете его великой радости? Узнав о рождении принца Эдуарда, вся Англия радовалась вместе с Генрихом и его королевой.

В понедельник, пятнадцатого октября, принца Эдуарда крестили в королевской церкви Хэмптон-Корта. Праздничная церемония началась в личных покоях королевы. Король решил – а королева смиренно согласилась, – что крестными новорожденного сына станут архиепископ Кранмер, герцог Саффолк и герцог Норфолк, а также старшая дочь короля, Мария. Дочке Нэн тоже позволили принять участие в празднестве. На этом настояла мягкосердечная Джейн.

Поэтому леди Елизавета, которую нес на руках брат королевы, лорд Бошан, крепко сжимала в пальчиках елей для миропомазания, прекрасно сознавая важность события и своей роли в нем. Девочка, правда, не могла решить, что ей нравилось больше всего – участие в вели-

колепной церемонии или чудесное, богато расшитое платье, которое на нее надели. После того как младенца Эдуарда крестили, Елизавета вернулась в покои королевы. Мария, старшая сестра, держала ее за руку.

Королева благословила сына, благословил его и король. Затем мальчика, вызвавшего всеобщее восхищение, отправили в детскую. Его унесла герцогиня Саффолк; именно ей надлежало отныне заботиться о наследнике.

Король приказал, чтобы покои принца Эдуарда держали в безукоризненной чистоте – он не забыл, какие беды постигли сыновей, рожденных ему принцессой Арагонской. Каждую комнату и коридор надлежало ежедневно оттирать щетками с мылом и горячей водой. Подметать тоже следовало ежедневно. Все должно быть чистым – любой предмет, до которого дотрагивался младенец, все его одежды, вообще все, что бы ему ни потребовалось. Неслыханное это было дело – столь фанатичное требование чистоты. Но кто бы посмел ослушаться Генриха Тюдора?

Обе королевские кормилицы были славные деревенские девушки, крепкие здоровьем и телом. Одна только что родила мертвого ребенка. Другой пришлось отдать новорожденного сына золовке. Наследнику престола не полагалось делить пищу с другим ребенком. Иначе тот, второй, за которым не ухаживали так тщательно, мог заболеть и заразить принца. Этот младенец должен жить, чтобы наследовать отцу! Поэтому были приняты все меры предосторожности. Эдуард Тюдор был совершенно особенным ребенком.

Королева почувствовала недомогание на следующий день после крещения принца. К вечеру она, казалось, пошла на поправку, однако ночью ей стало совсем худо. Приставленные к ней лекари сошлись во мнении, что у нее родильная горячка. Всю ночь королева боролась с подступающей смертью. На следующее утро ее духовник, епископ Карлайлский, уж намеревался совершить над Джейн Сеймур последнее миропомазание, но ей вдруг полегчало. К четвергу, к всеобщему облегчению, казалось, она вовсе идет на поправку. А потом, вечером пятницы, ее вновь охватил лихорадочный жар, и королева впала в забытие. Теперь не было сомнений, что смерть ее близка, да только никто не осмеливался сказать это вслух.

Король намеревался вернуться в Эшер ко вторнику двадцать третьего октября – на открытие охотничьего сезона. Но разве мог он покинуть свою милую Джейн? Даже ему стало ясно, что королева умирает. И он горестно плакал, что изумило весь двор. Мало кто мог припомнить слезы короля. Генрих Тюдор просидел подле жены всю ночь. После полуночи епископ Карлайлский вошел в опочивальню, чтобы провести над королевой последние обряды. К этому времени никакой надежды на чудесное исцеление уже не оставалось. Исполнив долг, епископ сделал все, что было в его силах, чтобы успокоить своего господина, однако король был неутешен. Королева Джейн тихо отошла в два часа ночи, почти в тот же час двенадцатью днями раньше появился на свет ее сын. Король немедленно усакал в Виндзор, чтобы там уединиться. Считалось дурной приметой оставаться в месте, куда только что наведальась смерть.

Разумеется, похороны королевы прошли с подобающей пышностью. Ее хрупкое тело завернули в расшитую золотом ткань, чудесные светлые волосы были распущены, на голову водрузили украшенную драгоценными камнями корону. Джейн Сеймур лежала в приемном зале Хэмптон-Корта, где день и ночь распевали молитвы за упокой ее доброй души. Потом усопшую перенесли в королевскую церковь, где придворным дамам предстояло совершить бдение в течение целой недели.

Больше всех королеву оплакивала Мария Тюдор. Она любила и почитала свою ласковую и набожную мачеху, любовь которой вернула ей зыбкое благорасположение отца. С тех пор как ее мать впала в немилость, Мария Тюдор почти ни от кого не видела добра. Царствование Анны Болейн вообще обернулось для бедняжки кошмаром. А вот Джейн Сеймур всегда была к ней добра.

Восьмого ноября гроб с телом королевы перевезли в Виндзор, где и надлежало состояться похоронам – в понедельник, двенадцатого ноября. Король все еще пребывал в печали, но он уже решил, что возьмет четвертую жену. Одного сына было явно недостаточно, чтобы обеспечить преемственность королевскому дому Тюдоров. Его милая Джейн была мертва, но у короля оставались силы, чтобы произвести на свет еще несколько сыновей – нашлась бы только плодovitая супруга. Да, королева умерла, но король был жив!

Часть 1

Дикая Роза

Англия, 1539-1540

Глава 1

– Что ж, он сам говорил, что мог бы посетить Риверс-Эдж в один прекрасный день, – толковывала леди Блейз Уиндхем, графиня Лэнгфорд, своему супругу. – Ты же сам его слышал.

– Я подумал, это он просто из вежливости, – раздраженно откликнулся граф. – Люди всегда так говорят. Заедем, дескать, как-нибудь на денек, но никто ведь всерьез не ждет, что они в самом деле приедут. Никто, как правило, и не приезжает. Скажи честно, неужели ты действительно решила, что будешь принимать короля? Здесь, в нашем доме? Я ни на минуту ему не поверил.

Энтони Уиндхем с досадой взъерошил темные волосы.

– Блейз, у нас скромный дом, а не дворец. Как долго он захочет тут пробывать? Сколько народу будет в его свите? Неужели мы сумеем как следует развлечь короля? – Он сердито поглядел на жену, явную виновницу грядущего разрушения его жизни, и все из-за ее давнего знакомства с королем!

Блейз расхохоталась:

– Ох, Тони, это ведь не официальный визит. Хэл просто охотится тут неподалеку. Он узнал, что Риверс-Эдж совсем близко, вот и решил повидать нас. Захватит с собой пяток спутников, да и заедет перекусить в полдень. – Она погладила мужа по руке. – Все пройдет отлично.

– Разве мы успеем как следует подготовиться? – проворчал граф. – Это очень в характере нашего короля – нагрянуть без предупреждения!

– В самом деле, милорд, когда это домашнее хозяйство сделалось вашей заботой? – резко возразила Блейз. – Король приезжает завтра. Времени больше чем достаточно. Уж я-то успею подготовить прием. А тебе, Тони, только и остается, что быть в хорошем расположении духа. – Она поцеловала своего красавца-мужа в щеку, дабы смягчить его. – Между прочим, любовь моя... Я послала в Эшби за моими родителями, чтобы приехали посмотреть на короля... и за сестрами тоже.

– И они все явятся? – нервно воскликнул ее супруг. Блейз была старшей из одиннадцати детей, восемь из них были девочками.

– Только Блисс и Блайт, – поспешила она его успокоить. – Возможно, мама привезет Генри и Тома. Жена Гэвина вот-вот должна родить, и он ее не оставит. Уж я-то знаю. Это ведь их первый ребенок.

Граф Лэнгфорд с облегчением перевел дух, услышав, что его дом не будет кишеть родственниками жены. Из всех своих своячениц он был более или менее знаком с Блисс, то есть графиней Марвудской, и Блайт, которая носила имя леди Кингсли. Лет им было примерно столько же, что и его жене. Четвертую сестрицу, Дилайт, давным-давно увез в Ирландию супруг, Кормак О'Брайен, лорд Киллало. От нее почти не было вестей. Две других сестры, Ларк и Линнет, вышли замуж за близнецов, сыновей лорда Олкотта. Они были вполне довольны своей участью сельских кумушек – лишь бы их не разлучали. Гордячка Ванора, предпоследняя из сестер, вышла за маркиза Бересфорда, а младшая, Гленна, тоже не промах – подцепила маркиза Эдни. Все дочери лорда Роберта Моргана славились красотой и исключительной способностью производить на свет здоровое потомство.

– Право же, лучше возможности не сыскать, – сказала Блейз мужу, которого загадочный тон ее голоса вернул к суровой действительности.

– Возможности для кого? – сурово спросил он. – Что это еще за возможность, мадам?

– Для наших детей, Тони! Для Ниссы, Филиппа и Джайлза! Теперь, когда дни траура уже миновали и король посватался к принцессе Клевской, он, должно быть, пребывает в отличном расположении духа – особенно если завтрашняя охота будет удачной, да и угощение, которое я ему подам, придется по вкусу.

– Блейз, что ты еще задумала?

– Тони, мне нужно место при дворе для Ниссы, Филиппа и Джайлза! Им необходимо пообщаться в обществе, и мы еще не устроили брака ни одного из наших детей. Думаю, Нисса найдет при дворе хорошего мужа! А мальчики, возможно, приглянутся чьим-то отцам; разумеется, не самым богатым и влиятельным, просто отцам хороших семейств, которые хотят дочерям счастья. Филипп станет следующим графом Лэнгфорд, а я Джайлзу отписала мое имение Гринхилл, приносящее неплохой доход. Наши старшие сыновья будут завидными женихами, – с улыбкой закончила она.

– Не нравится мне, что Нисса отправится к королевскому двору, – сказал граф. – Мальчики – да, тут я с тобой согласен, но не Нисса!

– А почему нет? – продолжала настаивать жена. – В наших краях ей просто не найти мужа, да и кто станет мириться с ее причудами? Как мне рассказывали, принцесса Клевская – очень добрая и утонченная дама. Если Нисса сумеет занять место в ее свите, она будет под надежной защитой и вдобавок получит возможность встретить массу интересных молодых господ, которых иначе ей не видать как собственных ушей! Если король до сих пор питает ко мне нежные чувства, а я знаю, что питает, потому что Хэл – человек сентиментальный и никогда не забывает о былых удовольствиях, значит, он будет рад нас облагодетельствовать и пристроить при дворе наших деток. Тони! Никогда больше не представится нам такая замечательная возможность обеспечить их будущее! И знакомства, которые они заведут при дворе, будут полезны нашим младшим сыновьям, когда они подрастут. А помощь им понадобится, ведь им мы не оставим никаких имений...

– Возможно, Ричард однажды примет духовный сан, – напомнил граф. – Зачем ему бывать при дворе?

– Там бывает архиепископ, – с улыбкой возразила Блейз. – Какое полезное знакомство для нашего сына!

Энтони Уиндхем рассмеялся.

– Я уже забыл, какой изобретательной ты можешь быть, моя дорогая Блейз. Что ж, очень хорошо. Можешь строить планы. Если Богу угодно, так тому и быть. Нисса, Филипп и Джайлз отправятся ко двору, а Ричард однажды познакомится с архиепископом. – Протянув руку, граф погладил живот супруги – очень внушительный живот, потому что Блейз вот-вот должна была родить. – Ты уверена, что это снова сын?

– Кажется, милорд, вы одаряете меня исключительно сыновьями, – с улыбкой ответила она. – Пятеро прекрасных мальчиков!

– А еще Нисса.

– Нисса – дитя Эдмунда, – мягко напомнила Блейз. – Ты стал для нее прекрасным отцом, Тони, но в ее жилах течет кровь Эдмунда.

– И моя тоже, – настаивал он, – разве я не прихожусь родней Эдмунду? Он мой дядя. И я его любил.

– Он был тебе скорее как брат. Между вами было всего несколько лет разницы. И твоя матушка, его старшая сестра, воспитывала вас обоих.

– Матушка! Будь я проклят, Блейз! Ты послала к ней в Риверсайд? Она захочет засвидетельствовать почтение королю.

– Гонец, которого я отправила к моим родителям, сначала отправился в дом леди Дороти, – усмехнувшись, ответила Блейз. – Бедняга Хэл! Он не догадывается, что его ждет, когда завтра он нагрянет к нам с визитом!

Король прибыл ближе к полудню. Настроение у него было самое приятное. Он лично застрелил двух косуль и одного оленя с такими огромными рогами, каких его товарищи и не видавали. После успешной охоты король снова почувствовал себя молодым, но увы, он был уже немолод. Блейз не видела Генриха добрых три года и сейчас была неприятно поражена. Король изрядно располнел, и было заметно, что его одежда едва не расплзается по швам. Цвет лица приобрел багровый оттенок. Присев в глубоком реверансе так, что складки яблочно-зеленого шелкового платья изящно упали на пол, графиня Лэнгфорд пыталась воскресить в памяти красивого энергичного мужчину, бывшего некогда ее любовником. Это оказалось нелегкой задачей.

Генрих Тюдор взял ее руку, призывая встать.

– Поднимитесь же, моя сельская затворница, – сказал он, и знакомый голос вернул ее в прошлое. – Знаю, что вы моя преданнейшая подданная! – Глаза короля озорно блеснули, намекая на нечто очень личное, что было понятно лишь ему и Блейз.

– Дорогой милорд! – воскликнула в ответ Блейз, улыбаясь и приподнимаясь на цыпочки, чтобы поцеловать короля в щеку. – Как я рада снова вас видеть! Сердцем и молитвами мы всегда с вашим величеством и принцем Эдуардом. Добро пожаловать в Риверс-Эдж!

– Позвольте мне вторить эхом собственной супруге, ваше величество, – негромко сказал граф Лэнгфорд, делая шаг вперед.

– Ах, Тони! Сегодня ты должен отправиться с нами на охоту, – сказал король и повернулся к своим спутникам: – Почему никому из вас не пришло в голову пригласить на утреннюю охоту моего доброго Лэнгфорда? Что, мне всегда обо всем думать самому? – Его голубые глаза угрожающе сузились.

– Почту за честь присоединиться к вашему величеству, – быстро ответил Энтони Уиндхем, пытаясь упредить монарший гнев. – А теперь не угодно ли пройти в зал и утолить голод? Блейз накрыла роскошный стол.

Рука графини Лэнгфорд ухватила запястье Генриха.

– Идемте, Хэл, – сказала она, прибегая к старому прозвищу, которое было ей столь привычно. – Сюда прибыли мои родители и матушка Тони, чтобы вас повидать. Они ожидают ваше величество в зале. А еще вас дожидается превосходный кусок говядины. И пирог с куропатками! Насколько мне помнится, вы его особенно любите. Я подам его с чудесной подливкой из красного вина, луком-шалотом и молодой морковью. – Снова улыбнувшись королю, Блейз повела его в дом.

– Присоединяйтесь, господа, – пригласил граф спутников короля, которые незамедлительно последовали за ним в парадный зал дома.

Тем временем его супруга уже представляла королю своих родителей, лорда и леди Морган, а также матушку графа, леди Дороти Уиндхем. Генриха Тюдора приветствовали свояки графа – Оуэн Фицхью, граф Марвуд, и лорд Николас Кингсли, и их супруги, Блисс и Блайт. Лорд Морган представил королю младших сыновей, Генриха и Томаса, юношей шестнадцати лет.

Его величество был в своей стихии, с удовольствием принимая поклоны и лесть подданных. Он любезно приветствовал каждого. Похвалил Морганов за прекрасных сыновей, спросил леди Дороти, почему она больше не появляется при дворе.

– Для красивой женщины во дворце всегда найдется свободная комната, – со смехом сказал он.

Леди Дороти, которой стукнуло шестьдесят пять, ответила:

– Увы, сир! Мне запрещает сын. Он говорит, что боится за мою добродетель.

Король расхохотался во все горло.

– Действительно, мадам! Наверное, он прав. – Он повернулся к Блейз. – А где ваши чудесные дети, моя милая деревенская простушка? Как мне говорили, у вас четыре парня и девица.

– Сейчас у меня пятеро сыновей, милорд. Наш Генри родился в июне два года тому назад, и я назвала его в честь вашего величества. И, как изволите видеть, скоро на свет появится восьмой ребенок.

– Вот добрая английская женушка! – многозначительно заметил король, и его спутники заметно помрачнели. – Как же я тоскую по моей милой Джейн...

– Входите же и садитесь, Хэл, – пригласила Блейз, подводя его к почетному месту на возвышении. Она заметила, что король припадает на одну ногу, и решила, что ему будет удобнее, если он наконец сядет. – Я велю привести детей, если вам угодно на них взглянуть. Но если вам кажется, что это будет утомительно...

– Чепуха, – громогласно возразил король, опуская тучное тело на стул. – Я познакомлюсь с ними всеми, включая младшенького.

Слуга незамедлительно подал Генриху кубок вина, который тот немедленно осушил. Блейз сделала знак камеристке Харте и велела ей привести всех детей разом. С галереи менестрелей, устроенной под потолком зала, полилась нежная мелодия. Король с явным облегчением откинулся на спинку стула.

В зал вошли отпрыски семейства Уиндхем. Их возглавлял наследник – лорд Филипп Уиндхем. Леди Нисса Уиндхем шла последней, держа на руках младенца-брата.

– Позвольте, ваше величество, представить вам моих детей, – торжественно произнесла Блейз. – Это Филипп, наш старший сын. Ему двенадцать. А вот Джайлз, ему девять. Ричард, ему восемь. Эдуард, четыре года. И Генрих, которому только два.

Сыновья Блейз и Энтони учтиво поклонились – в том числе и младший, когда сестра поставила его на пол.

– А это моя дочь Нисса. Тони вырастил ее как собственное дитя, однако она дочь моего первого супруга, Эдмунда Уиндхема, – продолжала хозяйка дома.

Нисса Уиндхем присела перед королем в реверансе. Юбки темно-розового шелка изящно легли вокруг ее ног. Скромно потупив глаза, девушка поднялась и встала перед повелителем страны.

– Прекраснейшая из наших английских роз, – сказал король, желая сделать комплимент. – Мадам, сколько лет девице?

– Ниссе уже шестнадцать, сир, – ответила Блейз.

– Она просватана?

– Нет, милорд.

– Отчего же нет? Она прехорошенькая, да к тому же дочь графа. Не сомневаюсь, мадам, что вы дадите за ней хорошее придание, – сказал король.

– Хэл, в наших краях нет партии, которую мы бы для нее желали, – ответила Блейз. – Приданое у нее действительно хорошее. Девочка получит Риверсайд – прекрасный дом и земли, которые идут с ним. Но вот чего бы я действительно хотела – чтобы в один прекрасный день она отправилась ко двору. – Мило улыбаясь, Блейз тем не менее многозначительно взглянула на короля.

Тот усмехнулся, погрозив пальцем в знак шутивого укора.

– Мадам, – ворчливо сказал он, – вы самая настоящая бесстыдница, но я всегда это знал. Значит, вы ищете место для этой маленькой плутовки, не так ли? А известно ли вам, что сейчас все семейства, где есть незамужняя дочь – хоть какая-нибудь дочь, – осаждает меня просьбами дать им место в свите моей невесты? Знатные и не очень – все умоляют меня о милости. –

Король взглянул на Ниссу. – А ты, милое дитя, хотела бы ты отправиться ко двору, чтобы прислуживать новой королеве?

– Да, если будет угодно вашему величеству, – бойко ответила Нисса, впервые взглянув в лицо королю.

И Генрих отметил, что она унаследовала прекрасные фиалково-синие глаза матери.

– Она когда-нибудь покидала родной дом?

Графиня покачала головой.

– Как и я, она сельская затворница, Хэл.

– Придворные распутники ее съедят, – заметил король. – Плохая плата за твою дружбу, Блейз Уиндхем!

Блисс Фицхью неожиданно подала голос, до этого она внимательно прислушивалась к беседе.

– Сир, мне говорили, что принцесса Клевская – в высшей степени добродетельная и разумная дама. Полагаю, что в ее свите моя племянница будет в полной безопасности. Тем более что в этом сезоне мы с супругом возвращаемся ко двору. Я буду приглядывать за Ниссой от имени сестры.

Блейз ответила Блисс благодарным взглядом.

– Что ж, очень хорошо, мадам. Ваша дочь будет назначена фрейлиной королевы, как только миледи Фицхью прибудет ко двору, чтобы опекать ее вместо вас, – сказал король и сухо добавил: – Будут ли у вас еще ко мне просьбы?

– Назначьте Филиппа и Джайлза пажами к принцессе Клевской, – храбро выпалила Блейз.

Но Генрих Тюдор лишь рассмеялся.

– Кажется, мадам, я не рискну играть с вами в карты, – фыркнул он. – Помнится, вы всегда у меня выигрывали. Очень хорошо, я исполню вашу просьбу. Вижу, что они красивые ребята, к тому же хорошо воспитанные. – Король вдруг посерьезнел. – Когда мы были вместе, Блейз Уиндхем, – тихо начал он, – вы никогда и ни о чем меня не просили. Помню, что за это очень многие считали вас дурочкой.

– Когда мы были вместе, Хэл, – в тон ему тихо ответила она, – мне ничего и не нужно было, ведь у меня были ваши любовь и уважение.

– Я и сейчас люблю и уважаю вас, – сказал он. – Я смотрю на ваших чудесных детей и не могу удержаться от мысли: что, если бы они были моими детьми, если бы я взял в жены вас, а не тех, других?...

– У вашего величества прекрасный сын, принц Эдуард, – ответила она. – И вы желаете для него самого лучшего, как и я для своих детей. Сейчас я прошу за них. Вы знаете, что иначе я ни за что не стала бы злоупотреблять вашей щедростью.

Пухлая рука короля погладила нежное плечо Блейз.

– Я не знаю ни одной женщины – даже моя милая Джейн не составляет исключения, – наделенной столь чистым и добрым сердцем, как у вас, моя сельская затворница! – сказал король. – Новая королева будет счастлива видеть ваших детей в своей свите. – Он взглянул на сыновей Блейз. – А вы что думаете, мастер Филипп и мастер Джайлз? Хотите послужить нам и нашей королеве?

– Да, ваше величество! – хором воскликнули мальчики.

– А ты, госпожа Нисса? Ты рада, как и твои братья? – Усмехнувшись, он продолжал, не дожидаясь ответа: – Клянусь, она сведет с ума всех молодых мужчин. А вам, миледи Фицхью, предстоит нелегкая работа, приглядывать за этой английской розой!

– Я сама могу о себе позаботиться, ваше величество! – сказала Нисса. – В конце концов, я у матери старшая.

– Нисса! – Блейз ужаснула непочтительность дочери, но король лишь добродушно рассмеялся.

– Не браните ее, мадам. Она напоминает мне собственную дочь, Елизавету. Нисса из той же породы. Английская роза, да, но, как мне кажется, – дикая роза! Мне кажется, что она девушка сильная. При дворе ей понадобятся силы, и вы это знаете, Блейз Уиндхем. А теперь меня уже покормят? Ведь я согласился исполнить все ваши просьбы. – Он засмеялся. – Вам нет нужды морить своего короля голодом, чтобы он стал уступчивее!

Блейз подала знак слугам, и они торопливо выступили шеренгой, внося в зал шедевры кулинарного искусства, призванные ублажить господина. Как и обещала графиня Лэнгфорд, тут была говядина, изрядный кусок, обложенный каменной солью и обжаренный до того состояния, когда мясной сок начинает течь сквозь броню из соли. А еще – добрый деревенский окорок, благоухающий и розовый; жаренная в лимоне форель, которую подавали на свежих, только что сорванных в саду листьях шпината. Ну и, разумеется, пироги с куропатками, ровным счетом шесть, и винные пары сочились сквозь прорези в хрустящей корочке. На серебряном подносе внесли хорошо прожаренных уток в сливовом соусе, а на деревянном блюде прибыли наваленные горой нежные отбивные из ягненка. Многочисленные вазы наполняли груши, жареный лук и морковь, тушенная в вине и сливочном соусе. Подали свежее выпеченный хлеб, только что сбитое масло и круг острого сыра чеддер.

Генрих Тюдор всегда любил поесть, однако сегодня его неумный аппетит неприятно поразил Блейз. Король схватил огромную порцию окорока и говядины, проглотил целиком форель, съел утку, пирог с куропатками и шесть отбивных из ягненка. Казалось, ему особенно понравились жареные луковки – от удовольствия он даже чмокал губами. Проглотил он также целый каравай хлеба с большим пластом масла и треть головки сыра. Его кубок тоже не пустовал – король пил с такой же жадностью, как и ел. И со счастливым видом кивнул, когда ему на пробу поднесли яблочный пирог.

– Я отведаю его со сливками, – приказал он слуге, который держал самый большой из яблочных пирогов. Король съел его с явным удовольствием, когда ему подали требуемое. – Да, мадам, вы приготовили отличное угощение, – похвалил он хозяйку. – До обеда точно не успею проголодаться. – Расстегнув ремень, он тихо отрыгнул.

– Если бы я сожрал столько, – лорд Морган прошептал своим зятям, – мог бы спокойно продержаться до следующего Михайлова дня.

Король уже собирался прощаться, чтобы вернуться к охоте, когда у графини Лэнгфорд, к ее изумлению, начались неожиданные схватки.

– Право же, Блейз, – сухо сказала ее мать, леди Морган, – ты рожала столько раз! Пора бы уже знать, что младенцы появляются на свет, когда приходит их время. Ни минутой раньше, ни минутой позже. – Затем она обратилась к королю: – Возвращайтесь к охоте, ваше величество, и забирайте с собой милорда Уиндхема. Здесь женское дело. Мужчины – все, как один, ни на что не годны, когда их жены рожают.

– Но сначала потрудиться приходится именно мужчине, – заметил король и ухмыльнулся.

Мужчины, как и было велено, направились к выходу, а Блейз с помощью матери, све-крови и обеих сестер добралась до спальни. И там довольно быстро – пострадав часа два – родила на свет девочек-близняшек.

– Просто не верится! – изумленно сказала она. – Я думала, Тони умеет зачинать только мальчишек. А тут, смотрите-ка, подарил мне двух чудесных девочек.

– Они совершенно одинаковые, что лицом, что телом, – улыбнулась ее мать. – Я все гадала, не принесет ли близнецов хоть одна из моих дочерей, как я целых четыре раза. Ты сделала это первой, Блейз!

– Сяду на лошадь и поскачу рассказать папе! – воскликнула Нисса. – Он очень обрадуется, это точно. – Девушка разглядывала новорожденных. – Они такие милые!

– Теперь, – сказала леди Морган, – тебе придется воспитывать этих чудесных крошек, и ты не будешь так скучать по Ниссе, когда она отправится ко двору.

– Нет, мама, – сказала Блейз. – Нисса всегда будет в моем сердце, где бы она ни находилась. Она все, что у меня осталось после Эдмунда Уиндхема. И должна увидеть ее счастливой в браке, иначе нельзя считать, что я исполнила свой долг по отношению к покойному супругу! А он был лучшим из мужчин, как вы, несомненно, помните.

– Да, это так, – согласилась леди Морган, и леди Дороти Уиндхем, которая приходилась Эдмунду Уиндхему сводной сестрой, кивнула. – Если бы не он, твоим сестрам не удалось бы выйти замуж столь удачным образом. Да и отцу бы ни за что не восстановить наше пошатнувшееся благосостояние. Я благословляю тот день, когда он впервые появился в Эшби. Каждый вечер молюсь за упокой его души.

Младенцев спеленали, их мать устроилась поудобнее. Харта, камеристка Блейз, принесла хозяйке горячего молока с вином. Блейз выпила укрепляющую смесь, и ее оставили отдыхать.

Женщины вернулись в парадный зал Риверс-Эдж и занялись веселой болтовней в ожидании лорда Уиндхема и остальных джентльменов. Все они, за исключением лорда Моргана, присоединились к охотничьей свите короля.

– Интересно, как она их назовет, – сказала Блайт, леди Кингсли.

– Да, мама, мне тоже интересно, унаследовала ли она твой талант на женские имена, – смеясь, подхватила ее сестра Блисс, графиня Марвудская.

– Нисса – очень необычное имя.

– Но это Эдмунд назвал ее так, – напомнила им леди Дороти. – Блейз выбрала второе имя Ниссе, в честь первой супруги Эдмунда, Кэтрин де Хейвен. Однако именно Эдмунд сказал, что его дочь будет носить имя Нисса, что по-гречески значит «начало». Эдмунд хвастался, что она станет первой из множества его детей. Откуда бедняге было знать, что не ему, а моему сыну Энтони суждено стать прародителем целой ветви Уиндхемов. Я все еще тоскую по Эдмунду, хотя его нет на свете уже добрых пятнадцать лет.

– Блейз выбрала очень хорошие имена для сыновей, – заметила Блайт.

– Но сейчас-то она родила девочек, ты что, забыла? – ехидная Блисс одернула сестру-двойняшку. – Я уверена, что Блейз выберет им чудесные имена. Разве может быть иначе, если наша мамочка уже подала ей пример? Жду не дожусь, когда же узнаю, как их назовут.

– У наших дочерей очень хорошие имена, – возразила Блайт.

Блисс бросила на сестру презрительный взгляд.

Вернулся лорд Уиндхем, и, к всеобщему изумлению, вместе с ним был король.

– Я непременно должен поздравить мою сельскую затворницу, – сказал Генрих, и его глаза затуманились от нежности. Он повернулся к Энтони Уиндхему: – Позвольте, сэр, принести вашему семейству мои поздравления!

И король сердечно пожал руку Энтони.

Проснувшись, Блейз обнаружила подле своей постели короля, который сиял радостной улыбкой. Она покраснела, вспомнив давно минувшие времена, когда он посещал ее спальню по делам куда более интимного характера. Глаза Генриха Тюдора заговорщицки блеснули, но произнес он приличествующие случаю слова:

– Рад видеть вас в добром самочувствии после перенесенных мук, мадам.

Он поцеловал ей руку. Блейз тепло улыбнулась в ответ.

– Ваше величество, мне не пришлось особо страдать. В последнее время я точно старая кошка – рожаю детей, не успев и глазом моргнуть. Как любезно с вашей стороны, однако, вернуться и поздравить меня!

– Я уже взглянул на ваших девочек, Блейз. Красавицы, как и их мать. Как вы их назовете?

– С вашего дозволения, Хэл, – начала Блейз, – я назвала бы ту, что появилась первой, Джейн – в честь вашей усопшей королевы. А вторую Анной, в честь принцессы Клевской,

которая вскоре станет вашей супругой и нашей новой королевой. Это очень уместно, поскольку вы появились у нас в доме в день рождения наших малышей.

Король, сентиментальная натура, которому роль благосклонного монарха доставляла исключительное удовольствие, даже прослезился. Он извлек из кармана камзола большой квадрат белого шелка и промокнул глаза. Затем, обернувшись к лорду Уиндхему, спросил:

– Тони, в вашем доме есть священник?

Граф кивнул.

– Тогда приведите его. Пусть сегодня же окрестит ваших дочерей, а я стану крестным отцом обеим. Такова моя воля, маленькая затворница! – сказал он Блейз. – Вы и ваше доброе семейство навсегда станете частью моей жизни.

– Ох, Хэл, это неслыханная честь! – воскликнула Блейз, тоже готовая расплакаться.

За отцом Мартином отправили слугу. Священник появился в семье еще во времена Эдмунда Уиндхема и состарился на службе у графов Лэнгфордских. Когда ему сообщили, что днем графиня разрешилась девочками-близнецами и сам король станет их крестным отцом, да еще и крещение надлежит провести незамедлительно, он бросился разыскивать свое лучшее облачение, велел слуге найти мастера Ричарда и велеть ему зажечь на алтаре свечи – хозяйскому сыну предстояло прислуживать во время свершения обряда.

– Конечно, отец Мартин, – последовал почтительный ответ.

Блейз отнесли в семейную молельню на носилках, чтобы она видела, как крестят ее дочерей. Блисс презрительно закатила глаза, а Блайт едва сдержала смех, когда священник попросил их назвать имена малышей, которых держала третья крестная, их старшая сестра Нисса.

– Джейн Мария, – сладко пропела Блайт.

– Анна Мария, – раздраженно произнесла Блисс.

Просияв улыбкой, король принял младенцев из рук Ниссы и передал отцу Мартину, чтобы тот их окрестил. Когда таинство свершилось, графиню отнесли в ее покои. Там и выпили за здоровье прибавления в семействе Уиндхем, после чего король собрался уезжать.

– Гонец даст знать, когда Ниссе следует прибыть ко двору, моя дорогая сельская затворница, – сказал король на прощание. – Она понадобится мне пораньше, поскольку должна успеть познакомиться со своими обязанностями еще до того, как прибудет моя невеста. Если леди действительно хочет стать умелой помощницей для принцессы... то есть королевы Анны, нужно же ей знать, куда ходить, что делать и вообще – кто есть кто при дворе. Вероятно, это будет в конце осени. Вам почти не остается времени, чтобы как следует подготовить дочь. Обещаю, однако, что ни я, ни королева не допустим, чтобы ее обижали. Ваша дочь, Блейз Уиндхем, будет в безопасности.

Блейз почтительно поцеловала руку королю.

– Благодарю вас, Хэл! Вы так добры к нам всем, – сказала графиня, падая на подушки. Она была слишком утомлена и сразу же заснула.

Улыбнувшись, король вышел из ее спальни и вскоре простился с Уиндхемами и всеми их родственниками.

– Буду ждать вас при дворе, госпожа Нисса. И ваших братьев тоже. Служите королеве, как должно, и я обещаю вам свою вечную дружбу.

На этом король покинул Риверс-Эдж.

– Что за день! – воскликнула леди Морган и шумно вздохнула. – Кто бы мог ожидать, ведь началось все так просто... Трое моих внуков едут ко двору. И с тех пор как поднялось солнце, у меня стало на две внучки больше. – Она уселась на огромный стул возле камина и, обернувшись к Блисс, спросила. – А вы-то когда возвращаетесь ко двору? Уже решили?

– В самом деле, мадам, – учтиво начал Оуэн Фицхью. – Я был весьма удивлен... нет, поражен, когда услышал, что вы это говорите, хотя не смел возражать в присутствии короля.

Блисс, мы ведь пока ничего не решили! Мы покинули двор много лет назад. Не уверен, что нас там примут.

– Ах, Оуэн! Не будь таким занудой, – его супруга возразила с самым беспечным видом. – Подумай, какая исключительная возможность для Ниссы! Тридцать первого декабря ей исполнится семнадцать, а она еще не обручена. Она превратится в старую деву, если мы не поспешим что-нибудь предпринять. Оуэн, королевский двор – это самое подходящее место для молодой девушки знатного происхождения и с солидным приданым, чтобы найти хорошего мужа. Кроме того, Филипп и Джайлз назначены пажами будущей королевы, поэтому Блейз будет рада, что дети под присмотром. Мы возьмем с собой нашего юного Оуэна и Эдмунда, сына Блайт! Вот будет весело!

– Что? – ее супруг не верил своим ушам.

– Возьмешь с собой Эдмунда? – вскричала Блайт.

– Конечно, – спокойно ответила Блисс. – Филипп Уиндхем, юный Оуэн Фицхью и Эдмунд Кингсли – друзья с детства. Все трое родились в один год, с разницей в месяц-другой. Они никогда не разлучались. Разумеется, у Филиппа будет масса обязанностей, но он найдет время побыть с кузенами. Для них это станет прекрасным временем, – закончила Блисс, широко улыбаясь родственникам.

– Признаю, это отличная мысль, – согласился лорд Кингсли, и его глаза весело блеснули. – Ребята отлично проведут сезон.

– Хочешь сказать, – подозрительно произнес его свояк, – что надеешься получить передышку в несколько месяцев от проделок своего сорвиголовы?

– Но, тетя, мне ведь не придется краснеть из-за них? – забеспокоилась Нисса. – Одно дело, когда ко двору едут Филипп и Джайлз, но если вы собираетесь везти туда заодно и Эдмунда с Оуэном, то... Дядя Оуэн прав! Вместе эти три негодника перевернут все вверх дном. Я не могу допустить, чтобы они и при дворе продолжали дразнить меня так, как дома. Зачем только мама просила место при дворе и для мальчиков тоже?

– Нисса, не будь эгоисткой, – укорила внучку леди Морган.

– Ах, бабушка! Ты всегда на стороне мальчишек. Ты же знаешь мой характер – с собой бы справиться. Почтенная фрейлина королевы должна соблюдать приличия и демонстрировать достоинство. Но как, если братья и кузены будут повсюду меня донимать?

– Почему ты думаешь, что мальчишки станут тебя дразнить? – спросила бабка.

– Потому что они сущие дьяволята, – с горячностью объявила Нисса. – Они всю жизнь только и делают, что мучают меня!

– Но ведь тебя так весело мучить, дорогая сестрица, – сказал Филипп Уиндхем, улыбаясь во весь рот. – Иначе мы бросили бы это дело давным-давно.

Леди Морган снисходительно рассмеялась.

– Озорник ты этаким, Филипп! Право же, пора начать уважать старшую сестру хоть немного. Ни одна женщина в нашей семье не занимала столь высокого положения. Это большая честь – быть фрейлиной королевы!

– Я бы сказал, что быть любовницей короля еще лучше, – выпалил наследник титула Лэнгфордов.

Леди Морган побледнела.

– Откуда ты набрался таких мыслей? – воскликнула шокированная дама. – Кто распускает слухи?

– Ах, бабушка, – сказала Нисса, – мы всегда знали про маленькое придворное приключение мамы. Она всегда говорила: «Если я вам не скажу, тогда обязательно расскажет кто-нибудь другой, да еще в дурном свете». Папа с этим согласен. Мы знаем правду, и нас не оскорбит тот факт, что мама несколько месяцев была любовницей короля Генриха. В конце концов, внебрачные дети не родились, и вообще никому не было вреда. И сейчас – разве отправились бы

мы ко двору, если бы король не чувствовал себя должным? Ведь Уиндхемы из Риверс-Эдж не могут похвастать знатностью!

– Так! – угрожающе произнесла леди Морган. – Так!

– Ох, мама, к чему весь этот шум? – воскликнула графиня Марвудская. – Нисса совершенно права и, как мне кажется, мыслит весьма практично. Как только при дворе узнают, кто ее мать, пойдут сплетни. Тут же припомнят историю отношений Блейз и короля – во всех подробностях, в основном лживых. Уж лучше пусть Нисса, Филипп и Джайлз знают правду, чем станут добычей жестоких сплетников. Ведь придворным, которые не участвуют в решении государственных дел, больше нечем заняться. Вот и сплетничают, чтобы убить время, даже не из злости. В этом смысл их жизни.

– И ты хочешь вернуться к этой жизни, бросив детей на слуг? – патетично воскликнула леди Морган. Она сама никогда не уезжала из дому, даже не была в Лондоне.

Блисс рассмеялась:

– Мама, я подарила Оуэну трех сыновей и дочь. Он обещал мне, что мы вернемся ко двору, как только наши дети достаточно подрастут, чтобы обходиться без меня. Так вот, они уже большие.

– И с ними останусь я, – сказала ее сестра-близнец. Блайт всегда старалась примирить родственников.

– А мне пошлют новые платья? – спросила Нисса. Перепалка теток и бабки ее несколько рассердила. Она отправляется к королевскому двору! А они расселись возле камина и спорят из-за пустяков. Конечно, дети Блисс прекрасно без нее обойдутся.

Блайт поняла тревогу племянницы и немедленно встала на ее сторону:

– Я считаю, Ниссе необходим совершенно новый гардероб. Ее платья годятся для деревенской девушки, но не для придворной дамы. Что думаешь, Блисс?

Блисс, завязтая модница, энергично закивала.

– Все должно быть с иголочки, а времени осталось мало. Будущая королева прибудет через месяц-другой, а король сказал, что Ниссе следует приехать заранее. Мы должны начать прямо завтра с утра, если хотим, чтобы она выглядела как надо.

Нисса покраснела.

– Я не очень искусная швея...

– Твоя мать тоже не отличается умением, – фыркнула ее тетя Блайт. – Когда она выходила за твоего отца, именно мы сшили почти все, что лежало в ее сундуке. Не беспокойся, девочка. Ты получишь отличный гардероб, притом вовремя. Мы тебе поможем, да и в доме есть швеи твоей матери. В кладовой полно тканей – мы ими воспользуемся.

На следующий день, пока мать отдыхала после родов, Нисса с помощью тети Блисс принялась выбирать ткани для придворных нарядов. В свои шестнадцать девушка ни разу не уезжала за пределы имений ее обширного семейства.

– Только не эти, тетя! – воскликнула она, когда Блисс развернула перед ней несколько отрезов роскошных, тяжелых тканей.

– В самый раз, – возразила племяннице графиня Марвудская. – При дворе все разодеты в пух и прах. – Она пристально рассматривала девушку. – У тебя прекрасная кожа, дорогая Нисса! Чистая и совсем светлая. И ты унаследовала фиалково-голубые глаза матери и ее же очертание лица – в форме сердца, что тоже хорошо. Это очень красиво с твоими темными волосами, доставшимися от отца!

– Мама говорит, что мои волосы чуть светлее, чем были у папы, – заметила Нисса. Она совсем не помнила Эдмунда Уиндхема, потому что он умер, когда ей не исполнилось и двух лет. Племянник отца, Энтони, который позже женился на матери, сделался ей единственным отцом, которого она знала.

– Да, в твоих волосах проскакивают золотистые пряди – очень красиво! У твоего отца их не было.

– Харта говорит, что я очень на него похожа, – призналась Нисса. – Иногда я стою в галерее перед его портретом и смотрю, но он кажется мне чужим. И все-таки я вижу наше с ним сходство.

– Он был замечательным человеком, – сказала тетка. – Ты можешь гордиться тем, что была рождена от его чресл, Нисса! Слава богу, что у тебя его нос, а не этот носик-курносик, как у твоей матери.

Нисса рассмеялась.

– У мамы очень милый нос, – сказала она, – но я согласна, тетя, мне очень нравится мой прямой нос.

Графиня Марвудская выбрала ткани – бархат, тафту, парчу и шелка. Там были ткани однотонные и густо затканые серебряными и золотыми нитями; длинные ленты черного, золотого и белоснежного кружева для отделки платьев. Нижнее белье предполагалось шить из шелка, шерсти, хлопка и льна. Чулки Ниссы должны были быть из шелка и шерсти, скроенные и сшитые для лучшего облегания ноги. А еще накидки – из шелка, шерсти и льна, некоторые подбитые мехом! И ночные рубашки из льна и хлопка, украшенные искусной вышивкой! Ночные чепцы и чепцы из бархата! Ниссе сшили туфельки и сапожки, все из самой лучшей кожи. И к ее величайшей радости, туфли, украшенные настоящими драгоценными камнями. Драгоценности сверкали не только на одежде, но и на лентах. А еще Ниссе полагались ожерелья и кольца...

– У меня никогда не было таких великолепных нарядов! – воскликнула Нисса, когда ее гардероб был наконец готов. – Неужели при дворе все время только так и одеваются?

Блейз, которая уже оправилась после родов, рассмеялась:

– Дорогая, ты будешь серым воробушком в стае павлинов. Впрочем, тебе совершенно необязательно затмевать тех, кто могущественней тебя. Ты красивая молодая девушка, Нисса, и эти наряды – хвала твоей доброй тете – совершенно соответствуют твоему положению.

– Ах, мама! – воскликнула Нисса. – Я совсем запуталась. То я радуюсь, что уезжаю из Риверс-Эдж ко двору, а в следующую минуту это меня до смерти пугает. Ведь я за всю жизнь нигде не бывала. Что, если я сделаю ошибку в присутствии короля? Что, если своей глупостью опозорю семью? Может быть, мне не следует ехать?

Бедняжка даже побледнела. А мать спросила:

– Ты знаешь, что это тетя Блисс отвезла меня ко двору в первый раз в моей жизни? В конце осени умер твой отец, которого я так любила. Его смерть, как и смерть твоего маленького братца, стала для меня ужасным ударом. Но твоя тетя решила, что отчаиваться не стоит. Сразу после Нового года вместе с Блисс и дядей Оуэном я отправилась в Гринвич. А ведь Риверс-Эдж был самым далеким местом от Эшби, где я бывала. Как же я тогда плакала! Как мне было страшно! Я казалась себе ужасно неуклюжей и глупой, несмотря на то что была уже не девицей, а вдовой. Мне хотелось спрятаться, но Блисс мне не позволила.

Выйдя замуж за Оуэна Фицхью, твоя тетя воспринимала королевский двор как деловитая утка – мельничный пруд. Это ее естественная среда обитания. Она станет твоим проводником в лабиринте дворцовых нравов и интриг. Будь умницей, Нисса, и доверься ей. Слушай, что она тебе говорит.

Блейз обняла свою старшую дочь.

– Но, дорогая, есть один совет, который должна дать тебе я. Береги свою репутацию, Нисса! Девственность – вот твое величайшее сокровище. Оно принадлежит тебе, и ты, конечно, вольна им распоряжаться. Но я надеюсь, что оно достанется мужчине, за которого ты выйдешь замуж, ибо он оценит его превыше всех прочих даров. Я была любовницей короля, и поэтому наверняка найдутся наглецы и распутники, которые будут думать, будто ты легкая

добыча. Ты должна поставить их на место. Пусть не забываются, а ты свое место точно не забудешь. Ты добродетельная дочь графа Лэнгфорда, а не шлюха для мимолетных утех.

– А король любил тебя, мама? – Нисса впервые в жизни осмелилась задать матери этот вопрос.

– Некоторое время он был увлечен мною. Не думаю, что он всерьез меня любил. Однако мы стали добрыми друзьями, а это уже неплохо, Нисса. Я всегда была самой преданной из его подданных. Надеюсь, что и ты будешь верна своему королю.

– Я слышала, что король был самым красивым принцем христианского мира. Но мне он не кажется красивым, мама! Он такой толстый, а от его хромой ноги ужасно воняло в тот день, когда он к нам заезжал. Не могу представить, чтобы мне захотелось выйти замуж за такого мужчину, даже если к нему прилагается королевская корона. Не завидую я принцессе Клевской. Вот бедняжка! Однако я вижу, что сам король считает себя великолепным. Не могу поверить, что ты его любила.

Блейз улыбнулась.

– Порой молодежь слишком строга в своих суждениях о старших. С тех пор как я была с королем, он набрал вес. А в молодости, Нисса, король был очень красив! Боюсь, время его не пощадило. Мы не замечаем своего возраста, но другим со стороны виднее. Королю представляется, что он все еще молод и неотразим. Хорошо, если приближенные догадываются делать вид, что так оно и есть. Ах, дочь моя, никому не нравится сознавать, что наступает старость. И даже королю не избежать всеобщей участи – время наносит ему тот же урон, что и всем прочим.

– Я буду скучать по тебе, мама, – сказала Нисса. – И по папе тоже.

– Дорогая, и я буду скучать по тебе, – ответила графиня. – Однако тебе нужно отправляться во взрослую жизнь – пора настала. При дворе у тебя появятся блестящие возможности. Тебе нужно найти себе мужа, Нисса! Это может быть кто-то из придворных или брат подруги, которая у тебя появится. Столько всего впереди!

– Я выйду замуж только по любви, мама!

– Любовь часто приходит после замужества, моя дорогая, – заметила ее мать. – До того как выйти за твоего отца, я видела его лишь однажды, да и то очень недолго. Я даже не была с ним знакома, но Эдмунд был так добр! И очень скоро я его полюбила. Его легко было любить...

– Но что, если бы ты в него не влюбилась? – задала Нисса вполне закономерный вопрос. – Твоя жизнь была бы ужасна! Все же лучше полюбить мужчину до замужества, а не полагаться на везение. Госпожа Удача – очень переменчивая особа, мама!

– Лишь бы это был достойный тебя брак, – сказала Блейз. – ты должна найти хорошую партию, Нисса!

– Но сначала я его полюблю, – настаивала девушка.

Графиня улыбнулась дочери.

– Счастливчик он, этот джентльмен.

Глава 2

Король собирался устроить грандиозное венчание на Рождество. Он был весел, редко кому доводилось видеть его в столь приятном расположении духа. Празднества должны были состояться в Гринвиче, который король очень любил. Церемония бракосочетания, а затем всевозможные увеселения двенадцать дней напролет. Официальный въезд новоиспеченной королевы в Лондон был назначен на первое января. А коронацию планировали на Сретение, то есть на второе февраля – и уже начались первые приготовления. Место коронации тоже было уже определено – Вестминстер.

Пока король пребывал в Хэмптон-Корте. И каждый день он издавал новые указы относительно свадьбы и последующих праздничных увеселений. Генрих Тюдор всей душой отдался подготовке грядущего торжества. По нескольку раз на дню, всегда в присутствии придворных, вынимал он писанный Гольбейном миниатюрный портрет принцессы Клевской, который держал возле сердца. Долго смотрел на изображение и шумно вздыхал; ни дать ни взять – юноша, переживающий свой первый серьезный роман. Король вообразил, что снова влюблен. Эта Анна, объявил он своим приближенным, будет совсем не такой, как Анна первая. Эта Анна будет доброй, мудрой и любящей. Она станет заботиться о нем в старости, которая, конечно, еще не скоро. Возможно, эта хорошенькая немецкая принцесса с нежным личиком родит ему еще детей. И это будет к всеобщему благу, уверял король. Некоторые придворные искренне желали королю счастья в новом браке. Другие в глубине души считали его глупцом, который – в его-то возрасте – продолжал верить в романтическую любовь.

Пятого ноября в Хэмптон-Корт прибыл гонец. Принцесса Клевская покинула резиденцию брата-герцога в Дюссельдорфе и, согласно донесению, должна была прибыть приблизительно недели через три или, в крайнем случае в конце ноября. Невеста Генриха Тюдора отправилась в путь с огромной и пышной свитой из двухсот шестидесяти трех человек и двухсот двадцати восьми лошадей. Там были кареты для дам и свыше пятидесяти телег с поклажей. Разумеется, столь огромная процессия передвигалась очень медленно. Король уже послал в Кале за новостями о прибытии невесты, но тут пришло известие, что она задерживается. Стало ясно, что она доберется до Кале не раньше восьмого декабря. Чтобы переправить принцессу через пролив, в Кале отправилась делегация в составе зятя короля Чарльза Брэндона, графа Саффолка и лорда-адмирала графа Саутгемптонского, сэра Уильяма Фицуильяма. Герцог Норфолк и главный советник короля – Томас Кромвель – должны были приветствовать Анну Клевскую в Кентербери.

Томас Говард, герцог Норфолкский, был недоволен предстоящим браком. Большинство же, в том числе епископ Гардинер, полагали, будто все дело в том, что невеста – немецкая протестантка. Кроме того, герцог ненавидел Кромвеля и чувствовал себя оскорбленным, что его исключили из числа тех могущественных вельмож, что составляли ближайшее окружение короля. А ведь Томас Норфолк был представителем знатнейшего семейства в Англии. И место в Тайном совете, который вершил дела в стране, должно было принадлежать ему по праву. Он с самого начала был против брака с немкой, потому что этот брак был предложен Кромвелем. Замечательный план! Таким образом Кромвель, возвысив принцессу из неизвестности, сможет влиять на новую королеву. Он, а не Томас Говард, глупая племянница которого – Анна Болейн – носила некогда корону Англии! Если бы Анна прислушивалась к его советам, она сохранила бы и корону, и коронованную голову.

Он тяжело вздохнул. Неужели мало ему горя – видеть, как место Анны заняла эта бледная, как воск, Джейн Сеймур? Что он был вынужден терпеть высокомерие двух братьев Джейн, этих выскочек Эдуарда и Томаса? Что должен был наблюдать успех Сеймуров там, где Говарды потерпели неудачу? По крайней мере, новая невеста была особой королевской крови. Хоть

это утешало! Да, еще и тот факт, что ему удалось-таки сохранить должность государственного казначея – и это несмотря на постигшие их семейство беды и недовольство короля.

Принцесса Клевская и ее свита прибыли в Кале лишь одиннадцатого декабря. Въезд в город был обставлен с величайшей пышностью, но тут снова случилась задержка – целых две недели жесточайший шторм бросался на берега Англии и Франции. И лишь двадцать шестого декабря представилась возможность относительно споро переправиться из Кале в Дил.

Чтобы скоротать время, Анна училась играть в карты. Сама не понимая как, она быстро овладела искусством игры. Ее учитель, граф Саутгемптон, сказал ей, что король любит играть в карты. Анна стремилась научиться всему, что позволило бы ей завоевать сердце будущего супруга. Двор герцогов Клевских отличался строгостью нравов и скукой. Карты, музыка и танцы считались слишком фривольными. Анна много думала об этом, и игру, особенно на деньги, она находила в высшей степени увлекательной.

Нашлись сотни желающих занять место при дворе новоиспеченной королевы. Тех, кто был разочарован выбором короля, было больше, чем тех, кто остался им доволен.

Нисса Уиндхем, прибыв пятнадцатого ноября в Хэмптон-Корт, едва могла унять радостное возбуждение. К счастью, оно возобладало над нервозностью, которая терзала ее все сильнее по мере того, как очередная миля отделяла девушку от Риверс-Эдж. Она внимательно наблюдала за тетей Блисс, копируя каждое ее движение, и не поддавалась на провокации братьев, которые находили ее поведение по меньшей мере смехотворным.

Зная, что во дворце им места не найдется, Оуэн Фицхью снял небольшой домик в деревушке Ричмонд. Ему пришлось переплатить втридорога, поскольку даже на это скромное помещение охотников было предостаточно. А уж снять дом поприличнее и вовсе стоило целое состояние. Все было совсем иначе, когда Оуэн и Блисс были моложе и сами состояли в свите. Для них всегда находились покои. С тех пор, однако, утекло много воды. Оуэн поморщился: участие в дворцовой жизни стало чертовски дорогим удовольствием. Мало того, что приходится снимать жилье в Ричмонде, по соседству с дворцом Хэмптон-Корт, еще понадобилось снять дом и в Гринвиче. Хорошо, что оба его зятя согласились участвовать в грядущих расходах, пожертвовав кругленькие суммы! В конце концов, он приехал сюда только из-за Ниссы и мальчиков.

– Мы будем жить здесь, пока двор в Хэмптон-Корте? – спросила Нисса у дяди, когда они прибыли в Ричмонд-на-Темзе.

– Ты будешь жить при дворе, – ответила Блисс прежде, чем Оуэн успел сообразить, что к чему. – И Филипп с Джайлзом тоже. Однако юный Оуэн и Эдмунд Кингсли останутся здесь, с нами.

– Это будет нелегко, – сказал граф Марвудский племяннице. – Тебе повезет, если у тебя будет хотя бы кровать. Скорее всего, придется спать в одной постели с другой девушкой. Места для того, чтобы разместить свои пожитки, у тебя тоже не будет; придется большую часть хранить у нас. Тебя могут вызвать к королеве в любое время дня и ночи, так что времени для себя самой останется совсем мало. Есть и спать придется на бегу. И твоим братьям тоже. В общем, нелегкое это дело – служить королям.

Нисса слегка побледнела, в глазах читалось удивление, что ей не рассказали всего этого раньше. Внезапно перспектива стать фрейлиной королевы показалась ей далеко не столь радужной. Как жаль, что она не осталась дома!

Блисс словно прочла ее мысли.

– Да, это тяжело, не стану отрицать. Но, дитя мое, подумай о выгодах пребывания при королевском дворе! Двор – средоточие всего, Нисса. Здесь живут власть и удовольствия. И, главное, придворные джентльмены. – Накинув капюшон на голову, Блисс с помощью лакея, который уже протягивал руку, выбралась из кареты. Критическим взором она оглядела дом,

снятый мужем. – Оуэн, ты, наверное, шутишь? Это же просто деревенский сарай. Неужели ты действительно хочешь, чтобы мы жили здесь?

Выйдя из кареты, Нисса сжала руку тети. Блисс ответила племяннице улыбкой.

– Нам повезло раздобыть хоть какую-то крышу над головой! – раздраженно воскликнул граф Марвуд. Устроиться при дворе и в обычных обстоятельствах нелегкая задача. А явиться ко двору, когда король собрался снова жениться, – вообще неразрешимая, мадам! Я видел, как тут дрались из-за возможности поселиться в амбаре. Или, может быть, вы предпочли бы делить кров с овцами и коровами?

Нисса фыркнула. Дядя Оуэн умел быть очень убедительным, если нужно. Обычно он предпочитал делать вид, будто все решает тетя Блисс, не подозревая, впрочем, что она давным-давно научилась вить из него веревки. Нисса попыталась разрядить обстановку.

– А мне кажется, домик очень милый. Я никогда не жила в городе.

Блисс, до которой наконец дошло, в каком они положении, смягчилась:

– Уверена, Оуэн, что ты сделал все, что было в твоих силах. Но почему мы торчим на улице? Давайте войдем в дом и посмотрим, что у нас есть.

Внутри дом оказался лучше, чем предполагала Блисс, но, разумеется, не столь хорош, как ей хотелось. Они вошли в тесный холл, чтобы подняться на второй этаж по узкой лестнице.

– Библиотека расположена в передней части дома, а гостиная сзади, – терпеливо объяснял граф. – На нижнем этаже кухня, хотя еду нам будут доставлять из соседнего трактира. Ваше три спальни, на последнем этаже будут располагаться слуги. К дому примыкают сад и конюшни. Ничего лучше в данных обстоятельствах подыскать невозможно.

Блисс кивнула.

– Скоро мы все равно уедем в Гринвич, – сказала она с надеждой в голосе. – Нам ведь не придется жить тут целую вечность?

– Дом в Гринвиче побольше, – с улыбкой согласился граф. – Его уже сняли до нас, но кто-то умер, и поэтому они не смогли приехать. А я успел как раз вовремя, чтобы его перехватить. Снял его еще в апреле. Даже если нам придется ездить в Лондон, дом в Гринвиче будет в самый раз. Он окружен собственным парком. Я тебе уже говорил об этом?

– Нет, милорд, не говорили. Твое описание, безусловно, облегчит нам пребывание в Ричмонде.

За разговорами они вошли в гостиную, где стены были отделаны деревянными панелями. Огонь уже весело горел в камине, разожженный смотрителем дома, который уже ожидал их. Мебель была простой, но, к облегчению и удовольствию Блисс, все оказалось чистым и опрятным.

– Когда же мы пойдем ко дворцу? – беспокоило спросила Нисса.

– Не раньше завтрашнего дня, – ответила тетя. – Как мне сказали, супруга Энтони Брауни устраивает смотр фрейлинам. Я слышала, что она строга, но справедлива. Думаю, пажи тоже будут под ее руководством. – Графиня строго взглянула на племянников Уиндхем. – Вам обоим придется вести себя, как полагается, – предостерегающе сказала она. – Особенно тебе, Филипп! Ты наследник отца и ни в коем случае не должен компрометировать графский титул Лэнгфордов. Король оказал твоей матери великую честь, определив тебя в услужение королеве Анне.

– Тетя, меня обучали светским манерам, – надменно произнес Филипп Уиндхем. – И я прекрасно понимаю, что от меня требуется. Я не уроню своей чести или чести моей семьи!

– Ты молодец, и мы еще будем тобой гордиться, – сердечно сказал Оуэн Фицхью и похлопал племянника по плечу, нарочно не замечая разгневанного взгляда, который бросила на него супруга.

Но Блисс не собиралась уступать.

– Филипп, тебе следует соблюдать осторожность. Сначала думай, потом говори! – укоризненно воскликнула она.

Юный лорд Уиндхем догадался придержать язык, заметив, как подмигивает ему дядя.

– Да, мадам, – смиренно ответил он.

Тем временем день близился к вечеру. Блосс распорядилась подать быстрый ужин, чтобы ее подопечные отправились спать пораньше.

– Хотя принцесса Клевская пока не прибыла, – предупредила она, – сегодня, вероятно, последняя ночь, когда вы сможете хорошенько выспаться.

Четверым кузенам предстояло делить одну спальню на всех. Ниссе же досталась крошечная комнатка, куда едва помещались кровать и ее сундуки. Из Риверс-Эдж с ней приехала горничная по имени Тилли, ей предстояло спать на небольшой выдвижной кровати.

– Тесновато тут, госпожа Нисса, – без обиняков заметила Тилли. – Конура у собак моего отца была и то побольше!

Отец Тилли был главным егерем в Риверс-Эдж. Служанка была искренней, честной девушкой, очень миниатюрной, приятной, но простоватой наружности. Ее льняные волосы были аккуратно заплетены в косу, которая болталась за спиной. Карие глаза смотрели очень внимательно, и в них искрился ум.

– Мы тут надолго не задержимся, Тилли, – пообещала Нисса.

– Горничная графини говорит, что завтра вы прямо с утра отправитесь во дворец засвидетельствовать почтение королю и предстать перед начальницей всех фрейлин. Нам лучше прямо сейчас решить, что вы наденете. Помяните мое слово, утром будет не до того!

Нисса кивнула. Тилли была девушкой практичной и рассудительной. Она служила у нее уже десять месяцев. Горничную подыскала ей Харта, любимая камеристка матери, которая сама обучила девушку всем тонкостям услужения. Тилли приходилась Харте племянницей и выросла в Риверс-Эдж. Горничная и ее хозяйка были ровесницами.

– Мы должны произвести хорошее первое впечатление, – задумчиво сказала Тилли. – Но и дерзость в наши планы тоже не входит, не так ли? – Она покачала головой, отвечая на собственный вопрос. – Цвет бургундского вина? Нет. Яблочно-зеленый? Не совсем то, как мне кажется.

– А тот чудесный фиалково-синий, как раз в тон моих глаз? – спросила Нисса горничную. – Мне очень пойдет. Что думаешь, Тилли?

– Да, но мне кажется, вы привлечете к себе слишком много внимания. А ведь вы новенькая! Оно вам нужно, госпожа? – Тилли свела брови в напряженном размышлении. Вдруг ее лицо просияло. – Бархатное, персикового цвета! Вот что нам нужно! И вы, госпожа Нисса, наденете его с той прекрасной нижней юбкой, кремовой с золотым шитьем. Достану их из сундука прямо сейчас да разглажу, если помялось. И все увидят вас такой, какая вы есть – красивой и богатой молодой леди. А сейчас отправляйтесь-ка в постель, да постарайтесь уснуть. Завтра рано вставать. Утром вам нужно будет выкупаться, а я уложу вам волосы. А теперь позвольте, я помогу вам раздеться, а потом займусь своим делом – буду готовить к утру ваши платья да нижние юбки.

Разве сможет она сегодня уснуть, думала Нисса. Слишком велико было волнение. Тем не менее стоило ей опустить голову на подушку, сон овладел ею. Когда на следующее утро Тилли разбудила хозяйку, было еще темно и в комнате стоял жуткий холод, поскольку камин еще не разожгли. Нисса свернулась под одеялом калачиком, сопротивляясь попыткам Тилли ее растормошить.

– Госпожа Нисса, я приготовила вам ванну, она не может ждать, – настаивала Тилли. – В таком холоде вода быстро остынет. Лучше вам поспешить, а то она, чего доброго, покроется льдом!

– Ну и пусть, – пробормотала Нисса, глубже зарываясь в спасительное тепло одеял. В постели было так уютно! Она вскрикнула, когда Тилли рывком стянула с нее одеяло. – Нет! – Она отчаянно пыталась вырвать одеяло из рук горничной и снова натянуть на себя.

– Быстро в ванну, – твердо сказала Тилли. – Неужто вы собираетесь опозорить Уиндхемов из Лэнгфорда, представ перед королем и его великолепным двором в таком виде, госпожа? Вы грязная с дороги, и от вас плохо пахнет. Да если тетя Харта об этом узнает – и, уж поверьте мне, эта сплетница Мэйбелл, которая прислуживает леди Блисс, доложит ей незамедлительно – так вот, тетя спустит с меня три шкуры. Вы же не хотите, чтобы до этого дошло, госпожа Нисса, ведь правда, не хотите? – увещевала Тилли. – Видит бог, я выбиваюсь из сил ради вас!

Нисса рассмеялась:

– Твоя правда, Тилли!

Она выбралась из-под одеяла и сбросила ночную сорочку. В спальне стояло небольшое круглое дубовое корыто. Слегка поеживаясь, Нисса села в теплую воду. Иногда Тилли рассуждала совсем как Харта, и казалась старше своих лет. Зато временами бывала такой уморительной!

– Я должна уложить вам волосы, – виноватым тоном предупредила Тилли. – А сейчас они в дорожной пыли.

Ответить Нисса не успела, потому что горничная вылила на голову своей хозяйки ведро теплой воды.

– Остальное делайте сами, – сказала она. – Так мы управимся быстрее.

– Давай скорее, – попросила Нисса, выбивая зубами дробь.

В комнате было ужасно холодно. А уж сидеть с мокрыми плечами... Схватив кусок мыла, Нисса поспешно вымылась и ахнула, когда Тилли вылила ей на голову второе ведро воды, чтобы смыть мыльную пену.

Потом Тилли намылила ее волосы во второй раз, тщательно прополоскала и наконец приказала:

– Вылезайте, госпожа, быстро!

Обернув Ниссу большим полотенцем, горничная набросила второе полотенце ей на голову и принялась энергично промокать волосы. Нисса тем временем растиралась грубой тканью. Тилли предложила хозяйке снова забраться в постель, чтобы согреться, и подала ей еще одно небольшое полотенце.

– Продолжайте сушить волосы, госпожа, – велела она. – Я схожу вниз и гляну, не найдется ли нам чего-нибудь поесть, прежде чем настанет пора одеваться.

Спасаясь от царившего в комнате холода, Нисса натянула одеяло как можно выше. Она промокала свои длинные темные волосы до тех пор, пока вода не ушла. На стуле на другом конце комнаты были аккуратно разложены ее нижние юбки, корсаж и платье, на котором не наблюдалось ни малейшей замятости. Должно быть, Тилли трудилась полночи, чтобы все это разгладить, виновато подумала Нисса. И все ради того, чтобы хозяйка произвела благоприятное первое впечатление при дворе. Какое сокровище эта девушка! Мама всегда говорила, что хорошая камеристка – это дар божий, да только Нисса пропускала ее слова мимо ушей. Лишь сейчас поняла!

Тилли ворвалась в комнату с подносом в руках.

– Знаете, когда я шла вниз, у меня почти не было надежд, – сообщила она как бы между прочим. – Но не иначе, как Бог был на моей стороне, послав мне эту одноглазую старуху на кухню, которая сказала, что она местная повариха. Она дала мне чудесный горшочек овсянки, свежий хлеб прямо из печи, масло, мед и пряное вино, разбавленное водой. Все для вас, госпожа! – Тилли поставила поднос на колени Ниссе. – Ешьте все до последней крошки. Если верить Мэйбелл, вам здорово повезет, если получится поесть еще хоть раз до самого вечера. Она говорит, что при дворе едят мало.

– А ты? – спросила Нисса горничную. – Ты достала что-нибудь съестное для себя? – Она отправила в рот ложку овсянки.

– Я поем после того, как вы уедете, госпожа, – ответила Тилли. – Мэйбелл говорит, что вы, вероятно, проведете здесь еще несколько ночей, потому что новая королева еще не приехала. Фрейлины, семьи которых живут неподалеку, обычно возвращаются домой, чтобы передохнуть. Но лишь только приедет королева, все станет по-другому. Так говорит Мэйбелл.

– Я рада, что Мэйбелл такой кладезь сведений, – сказала Нисса, и ее глаза весело заблестели.

– Да она вся позеленела от зависти, точно горох, – фыркнула Тилли. – Конечно, ее хозяйка – графиня, но при дворе этих графинь пруд пруди. А сама леди Блисс никогда не прислуживала королеве. А вот моя хозяйка будет королевской фрейлиной! Бедняжка Мэйбелл разрывается между завистью и обычным желанием давать мне указания, потому что я молодая девушка, как и вы, госпожа.

– Тяни из нее все сведения и сплетни, какие сможешь. И из других слуг, с которыми сумеешь завести дружбу, – поручила Нисса горничной. – Я мало знаю, как устроена жизнь, Тилли, и ты это понимаешь. Думаю, что мне придется все это внимательно слушать, чтобы пробиться при дворе. Мама сказала, что это мой шанс, и я не хочу ее разочаровывать.

Тилли кивнула с понимающим видом.

– Не беспокойтесь, госпожа Нисса. Мы отлично приживемся при дворе. А теперь скорее доедайте завтрак, прежде чем сюда явится ваша тетя и отругает нас за медлительность.

Нисса, доедая хлеб и допивая вино, выбиралась из постели. В комнате было по-прежнему холодно, но девушка чувствовала себя намного лучше после того, как искупалась и поела. Тилли помогла ей надеть мягкую льняную сорочку со стоячим воротником, отделанным по краю кружевом. Потом натянула на ножки хозяйки чулки тончайшей вязки, закрепив их подвязками с шелковыми розовыми бутонами. Затем была очередь атласного корсета и нескольких нижних юбок, поверх которых следовало надеть каркас из тонкой проволоки с подушечками-подкладками. Поверх этого шла кремовая атласная нижняя юбка, затканная золотыми стрекозами и маргаритками, складки которой аккуратно расправлялись по обручам. А потом горничная подала ей бархатную юбку персикового цвета, которая спереди разделялась надвое, демонстрируя нижнюю юбку в наилучшем виде. Наконец поверх корсета Тилли закрепила бархатный лиф, расшитый золотыми нитями, жемчугом и крошечными сверкающими топазами. Вырез у лифа был очень низкий, и верх широких колоколообразных рукавов заворачивался внутрь его нижнего края.

По моде того времени молодые девушки носили волосы свободно распущенными на прямой пробор. Из соображений аккуратности, не говоря уж об элегантности, Тилли забрала длинные волосы хозяйки в золотую сетку. Затем, присев на корточки, горничная надела ей на ножки туфельки – кремового цвета и с круглым носом.

Тилли встала, чтобы полюбоваться делом своих рук, и удовлетворенно кивнула.

– Я принесу шкатулку с драгоценностями, госпожа. Осталось только это, чтобы ваш наряд заблестел...

Когда Тилли вернулась со шкатулкой, Нисса выбрала две нитки прекрасных жемчугов кремового оттенка. Одна нить была длиннее, чем вторая, и обе спускались ниже выреза платья. На пальцы правой руки Нисса надела два кольца – одно с жемчужиной, второе с топазом, и захлопнула крышку шкатулки.

– Убери ее, Тилли! – велела она. – Сегодня мне хватит и этого. Это ведь не перебор?

– Нет, госпожа Нисса. В самый раз. – С этими словами Тилли убрала шкатулку в хозяйкин сундук.

В дверь спальни постучали, и просунулась голова Мэйбелл. Горничная сделала большие глаза, увидев Ниссу.

– Ох, ну и прехорошенькая же вы, молодая госпожа, – восхищенно вздохнула она. – Ваша тетя ждет внизу. Все готовы ехать.

Тилли подала Ниссе светло-коричневый бархатный плащ, подбитый кроличьим мехом, а затем и перчатки.

– Идемте, миледи, – быстро сказала она, двигаясь с таким проворством, что Мэйбелл пришлось посторониться. Тилли подмигнула Ниссе, когда Мэйбелл, раздраженно бормоча себе под нос, вынуждена была пуститься им вслед чуть ли не бегом.

Они быстро, но осторожно спустились по ступенькам. Нисса не могла насмотреться на элегантный наряд тетки. В свои тридцать три Блисс все еще была ослепительно-красивой женщиной. Бархатное платье глубокого синего цвета, расшитое золотыми и серебряными нитями и жемчугом, подчеркивало сапфировую синеву глаз. Презрев требования моды, Блисс уложила сияющие белокурые волосы в пучок, сколотый на затылке золотыми шпильками.

– Не вижу резона прятать мои прекрасные волосы под этими уродливыми чепцами, – часто говаривала Блисс, улыбаясь затем обожающему ее супругу. – Оуэн этого не одобряет, – заканчивала она, будто мнение мужа в этом вопросе хоть что-нибудь для нее значило.

А тем временем Блисс внимательно разглядывала племянницу, потом одобрительно улыбнулась, после чего и Нисса, и Тилли хором испустили вздох облегчения.

– Очень хорошо, дитя мое. Ты выглядишь безупречно. Элегантно и ни в коем разе не кричаще. Сразу видно – молодая девушка со средствами и из хорошей семьи, а не предприимчивая особа, которая явилась ко двору, чтобы подцепить мужа. Такие только и думают, чтобы привлечь внимание какого-нибудь глупого щеголя!

В глазах Ниссы блеснули смешливые искорки.

– Я полагала, что меня для того и отправили ко двору, чтобы я нашла здесь супруга, – поддела она тетю, и дядя Оуэн фыркнул.

– Ты приехала сюда, чтобы служить королеве, – невозмутимым тоном заявила Блисс. – Но если тебе посчастливится встретить здесь джентльмена, который увлечет тебя и покорит твое сердце, а потом попросит твоей руки... и окажется для тебя подходящим женихом... Что ж, девочка, это совсем другое дело!

Нисса рассмеялась.

– Вот, значит, как тебе посчастливилось поймать дядю Оуэна – при дворе?

– Я встретила твоего дядю в доме твоего отца, – строго заметила Блисс.

– Мы праздновали шестнадцатый день рождения твоей матери, – добавил граф Марвудский, которому тоже хотелось поведать племяннице свою историю. – Блисс и Блайт, а также тетя Дилайт приехали в Риверс-Эдж именно по этому случаю. Хватило одного взгляда на твою тетю, и я пропал. Совсем как Ник Кингсли, который был очарован Блайт.

– И вы влюбились с первого взгляда, дядя? – Нисса никогда не слышала историю их знакомства, и она показалась ей захватывающе романтической.

– С первого взгляда, – тихо ответил дядя Оуэн. Его глаза были прикованы к жене. – Ведь все так и было, дорогая?

Блисс ответила ему таким взглядом, какого Нисса никогда у нее не замечала.

– Да, – задумчиво протянула она, но затем, вспомнив, где они находятся, спохватилась. – Почему мы стоим здесь, на сквозняке в коридоре? Нам нужно торопиться ко двору. – Она повернулась к Тилли. – Ты хорошо поработала, девочка. В следующий раз, как буду писать сестре, дам о тебе самый лестный отчет. Харта очень хорошо тебя обучила, так что может гордиться!

– Благодарю, миледи, – Тилли присела в реверансе. Потом набросила на Ниссу плащ, аккуратно расправила складки и защелкнула застёжки в виде золотых лягушек.

– А где мальчики? – спросила Нисса, когда они выходили из дома.

– Дожидаются нас на улице, – ответила тетя. – Эдмунд и мой Оуэн поедут на козлах с кучером. Ехать нам недалеко.

Два кузена Ниссы взобрались на козлы и уселись спиной к кучеру, а обе женщины тем временем подошли к карете. Нисса рассматривала братьев – такими нарядными она их никогда не видела. У Филиппа были темные волосы и светлые глаза, как у отца; светловолосый Джайлз пошел скорее в мать. На них были короткие штаны черного бархата, в разрезах в ткани сиял белый атлас подкладки. Чулки были в черно-белую полоску, черные кожаные туфли оканчивались закругленными узкими мысками. Камзолы, также из черного бархата, были расшиты жемчугом, а поверх них одинаковые кожаные куртки длиной до колен, без рукавов, но с буфами на плечах. У каждого на шее висела золотая цепь с медальоном, на котором красовался фамильный герб. На поясе у обоих болтался усыпанный драгоценными камнями маленький кинжал; голову покрывала плоская шляпа черного бархата, украшенная страусовым пером.

– Вы оба такие красивые! – воскликнула удивленная Нисса.

– И ты тоже, сестрица, – ответил Филипп Уиндхем.

– Смотри, Нисса! – возбужденно воскликнул Джайлз. – Теперь у меня есть собственный кинжал! – Он достал оружие из ножен, чтобы она могла видеть. Рукоять была инкрустирована гранатами, крошечными алмазами и жемчужинами.

– Не вздумай обнажать его в присутствии короля, – предостерегла его сестра. – Или в присутствии принца. Помни, мама сказала, что это считается государственной изменой.

Джайлз кивнул, испуганно тараща глаза.

– Я не забуду!

Но Филиппа наставление сестры, казалось, только разозлили.

– Если мне раз сказали, – высокомерно начал он, – то уж я не забуду. Нет нужды повторять снова и снова, Нисса!

– Прошу прощения, милорд, – поддразнила она, усаживаясь и расправляя юбки. – Уж не знаю, почему я все время забываю, как вы мудры, виконт Уиндхем! Какой ужасный промах с моей стороны!

Джайлз захихикал. Даже Филипп невольно усмехнулся.

– Предупреждаю, чтобы никаких пререканий, – строго заметила Блисс.

Нисса с видом примерной девочки сложила руки на коленях и умолкла, как и оба ее брата. Карета тронулась, выезжая в Хэмптон-Корт. Очень скоро дорога оказалась буквально запружена другими каретами, и Нисса, как замороженная, смотрела во все глаза. Кареты, люди – многие выглядели еще элегантней и роскошней, чем они. Тут были также дамы и джентльмены верхом на прекрасных лошадях, прокладывающие себе путь среди карет. И все, казалось, направлялись к одной цели – Хэмптон-Корт.

Кардинал Уолси, советник короля, возвел Хэмптон-Корт на землях, купленных у рыцарей-госпитальеров ордена святого Иоанна в тысяча пятьсот четырнадцатом году. Точнее, иоанниты и не продавали своих земель кардиналу; они сдали их ему в аренду сроком на девяносто девять лет, за символическую цену в пятьдесят фунтов стерлингов. Строительство началось весной тысяча пятьсот пятнадцатого. В мае шестнадцатого года сюда приезжали король и Екатерина Арагонская. Но, несмотря на это, дворец достраивали еще несколько лет.

Внутри дворцовых стен находились три дворика: Нижний, Часовой и Фонтанный. Здания были сложены из красного кирпича и украшены сине-черными мозаичными ромбами. Каждая из башен оканчивалась зубчатой кладкой со свинцовыми навершиями. Наружные стены Хэмптон-Корта украшали кардинальские гербы, а также медальоны из терракоты – дар кардиналу от самого Папы. Там была длинная галерея с рядом окон, где кардинал любил прогуливаться в плохую погоду, а также сад, где он саживал каждый вечер. Дворец насчитывал тысячу комнат, из которых двести восемьдесят предназначались для гостей. Кухонь было две, а в помещении, устроенном между кухнями, восседал сам главный повар, разодетый, точно придворный

щеголь, и управляющий подчиненными посредством суровых приказов и царственного взмаха руки, сжимающей деревянную ложку – знак верховной поварской власти.

Все это Блисс объясняла племяннице и двум племянникам, пока карета неспешно катила по запруженной дороге.

– Мама встречалась однажды с кардиналом, – сказала Нисса.

– Знаю. В пору своего расцвета это был человек, которого следовало опасаться. Выбирался он долго и высоко, да вот падение было быстрым.

– Мама всегда говорила, что он был верным слугой королю. Почему же его казнили? – громко спросила Нисса.

– Король разгневался на него, потому что он никак не мог добиться согласия Папы на его развод с принцессой Арагонской. Кардинал знал, что король жаждет жениться на Анне Болейн, но кардиналу она совсем не нравилась! Он хотел, чтобы Генрих взял в жены принцессу Рене из Франции. Вполне возможно, что король, поменяв принцессу Арагонскую на французскую принцессу, получил бы наследника мужского пола. Уолси, однако, не был готов менять королеву на девчонку Тома Болейна.

Врагов у кардинала было немало – как всегда у сильных и влиятельных людей, – и они видели, что между королем и кардиналом разлад, чем и решили воспользоваться. Уолси отличался некоторыми экстравагантными привычками, которые вдруг сделались предметом громких обсуждений. Среди придворных ходили довольно неприличные стишки. И тогда король задумался – кто на самом деле заправляет в его королевстве – он сам или кардинал Уолси? Король очень не любит быть в чьей-то тени.

– Я знаю этот стишок! – взволнованно воскликнула Нисса.

Мы поедем ко двору?

К королю ко двору или в Хэмптон поутру?

К королю? К королю!

Королевский двор главное, только Хэмптон-то пышнее!

– Автору стихов пришлось прятаться в Вестминстере, – заметил граф Марвуд. – Король очень рассердился, особенно после того, как один монах-францисканец, гостивший при дворе, увидел великолепие двора Уолси и спросил: «Неужели в Англии нет короля?» Я слышал это собственными ушами, как и те, кто поспешил донести лично королю. Бедняга Уолси! Тщеславие короля было жестоко уязвлено. Он призвал кардинала к себе и потребовал объяснений – почему тот выстроил себе столь великолепный дворец в Хэмптон-Корте? Надо отдать Уолси должное, он быстро отыскал достойный ответ – «чтобы подданный мог преподнести властелину достойный его дар». И затем передал дворец королю со всей обстановкой, до последней вилки или ложки.

– Точнее сказать, до последней вилки, ложки, ковра и гобелена, – рассмеялась Блисс и пустилась в объяснения: – Кардинал просто с ума сходил по гобеленам. Как-то выдался год, когда он заказал их в количестве ста тридцати двух штук. А что до ковров, так у него были ковры на все случаи жизни. Коврики для ног, для столов и окон. Однажды из Венеции прибыл корабль с грузом – только ковров там было шестьдесят штук, и все предназначались исключительно Уолси. Как же он любил красивые вещи!

– Мама говорила, что его собирались судить по обвинению в измене, – сказала Нисса. – Кому же он изменил?

– Никому, – ответила Блисс. – Только, дитя мое, никому об этом не говори. Просто Уолси нажил слишком много врагов. Когда он впал в немилость, его отправили в Йорк, где он стал архиепископом. Вел бы он скромный и набожный образ жизни, то избежал бы клеветы, да только не такой он был человек. Снова завел себе пышный двор. Король прослышал об этом и

позволил внушить себе мысль, будто Уолси состоит в заговоре с какими-то могущественными иностранцами. В конце концов, ведь кардинал действительно умел добыть для короля все, что тот желал. Но продемонстрировал полную беспомощность в том, чтобы устроить Генриху развод с принцессой Арагонской. Или притворялся? Он был арестован в замке Кевуд и умер в Лестерском аббатстве по пути в Лондон.

– Король обладает огромной властью, правда? – тихо спросила Нисса. – Кажется, я его боюсь. А ведь раньше не боялась.

– И это очень разумно с твоей стороны – бояться Генриха Тюдора, – подтвердил дядя. – Он может быть лучшим из друзей, добрым и щедрым, но враг он всегда смертельный. Твоя мать, Нисса, благополучно пережила все перипетии дворцовой жизни именно благодаря своей мудрости. Ни на чью сторону не становилась, не пользовалась преимуществами своего положения, пока была в милости у короля. Будь умницей, Нисса, и возьми свою мать в пример!

– Наверное, мне лучше вовсе вернуться домой, – предположила Нисса, и братья презрительно скривились, видя такую трусость.

– Чушь! – воскликнула Блисс. – Ты получила завидное место при дворе, Нисса Уиндхем! Когда ты станешь фрейлиной королевы, твоего внимания начнут искать многие достойные джентльмены. И как только ты найдешь жениха, то выйдешь замуж и проживешь жизнь счастливо. Вот зачем ты едешь ко двору. И мне стыдно, что дочь моей сестры оказалась такой трусихой, что хочет сбежать домой. В конце следующего месяца тебе исполнится семнадцать, Нисса! Нужно ли напоминать, что для первого замужества ты уже несколько старовата? И Блейз совершенно ни к чему, чтобы ты слонялась по дому в Риверс-Эдж. Ведь ей нужно заботиться о двух твоих новорожденных сестричках, которым только предстоит преодолеть все опасности первых лет жизни. Да еще младшие братья, которых следует воспитать и затем женить на богатых невестах. Вот так, дитя мое! Тебя, Джайлза и Филиппа отправили к королевскому двору, чтобы вы встретили свою судьбу. И думать не смей о том, чтобы сбежать домой!

У Филиппа и Джайлза Уиндхемов был такой вид, будто они готовы разразиться хохотом. Но нет – они молча наблюдали, как лицо старшей сестры заливают краска стыда и гнева.

– Я не трусиха! – сердито возразила Нисса, задетая теткиными наставлениями. – Просто для меня все это впервые. Прошу тебя, тетя, вспомни – когда ты впервые приехала к королевскому двору, с тобой был супруг. Ты приехала за развлечениями. А меня отправили служить королеве. У меня нет опыта придворной жизни. И мне страшно – не дай бог, опозорю семью! Но я вовсе не трусиха.

– Конечно, нет, – согласился дядя. – Помню, Нисса, как сам приехал ко двору, когда был совсем юным. И мне предстояло стать пажом принца, нашего теперешнего короля. Мне было всего шесть лет, и до того я ни разу не покидал отчего дома. Мне было страшно до жути. И я знаю, что сейчас чувствуешь ты. Делай, как я! Первые дни будь очень вежлива и учтива, наблюдай, задавай вопросы. Не бойся показаться глупой. Лучше спросить, чем потом совершить досадную ошибку. Кроме того, королева еще не приехала. До ее приезда еще несколько недель. У тебя достаточно времени, чтобы узнать, в чем состоят твои обязанности. Тебе поможет главная фрейлина. Твоя примерная служба важна и для ее репутации, так что она будет требовать, чтобы ты хорошо училась.

– Спасибо тебе, дядя Оуэн. Я рада, что ты понял мои опасения. – Девушка бросила сердитый взгляд на тетю, но Блисс оставалась невозмутимой.

Тем временем они подъехали к дворцу, и лакей в королевской ливрее подбежал открыть дверцы кареты, чтобы прибывшие смогли высадиться побыстрее: кареты подъезжали одна за другой, и следующая уже дожидалась своей очереди. Ступив на землю, Блисс расправляла складки на юбке, когда кто-то поблизости восторженно воскликнул:

– Блисс! Неужели это ты? Глазам своим не верю!

Полная темноволосая дама с милым личиком и живыми карими глазами бросилась на шею графине Марвудской и стиснула ее в крепких объятиях.

– Адела? Адела Марло? Боже мой, неужели ты?

Адела Марло рассмеялась.

– Располнела, точно молочный поросенок, правда? Это все дети... Но ты! Какая была, такой и осталась.

– Вот слова настоящей подруги, – с улыбкой ответила Блисс. – Ах, Адела! Я больше не та тростинка, какой была когда-то.

Адела Марло бросила оценивающий взгляд на Ниссу.

– Это твоя дочь? – спросила она. «Юная. Невинная. Хорошее приданое», – эти мысли ясно читались в ее лице.

– Нет, это старшая моей сестры Блейз. А это моя давняя подруга, леди Адела Марло, – сказала она племяннице. – Адела, это леди Нисса Кэтрин Уиндхем. Ей предстоит стать фрейлиной королевы. А двое старших сыновей Блейз получили место пажей. – Кивком головы она указала на племянников. – Филипп, виконт Уиндхем, – сказала она, – и Джайлз Уиндхем. – К ее величайшей радости, мальчики ответили изящным поклоном, что привело Аделу Марло в восхищение.

– Ты помолвлена, дитя мое? – спросила Ниссу Адела.

– Нет, мадам, еще нет, – почтительно ответила та.

– Значит, тебе нужно познакомиться с моим сыном Генри, – продолжала леди Марло.

– Отличная мысль! – просияла Блисс.

– Блисс, дорогая, – вмешался ее супруг. – Нам нужно представить Ниссу леди Брауни. Ее ждут, и опаздывать никак нельзя. Иначе, боюсь, нам не произвести доброго впечатления на эту важную даму. – Граф твердо взял жену за локоть.

– Оуэн прав! – грустно подтвердила Блисс и расцеловала подругу в обе щеки. – Увидимся позже, Адела, и посплетничаем вдоволь, – с улыбкой обещала она и спохватилась, вспомнив про мальчиков. – Юный Оуэн, быстро слезай с козел. А где Эдмунд Кингсли? Неужели мы его уже потеряли? Ох, наверное, это все-таки была плохая мысль – привезти всех этих ребят во дворец!

Ее муж улыбнулся, приподняв бровь.

– И отвечаешь за них ты, – ехидно сказал он. – Дорогуша, это ведь ты вызвалась смотреть за ними!

Блисс бросила на мужа гневный взгляд, но он уже отвернулся и отошел, так что ей только и осталось, что собрать весь выводок и спешить за ним вслед.

Леди Маргарет Брауни была супругой сэра Энтони, камергера и личного конюшего короля. Он был в большом фаворе. Это был трудолюбивый человек, для которого интересы господина стояли превыше собственных. Он никогда не участвовал в политических сварах, которые так любили различные придворные группировки. Он был предан исключительно Генриху Тюдору. И преданность сэра Энтони была вознаграждена – ему достались огромные земельные угодья в Суррее, прежде принадлежащие аббатствам Чертси, Мертон, земли аббатства Святой Марии Оверейской в Саутуарке и Гилдфордского приората. А супруга его заняла место главной фрейлины новой королевы – должность, получить которую желали многие!

Покои леди Маргарет располагались по соседству с теми, что были отведены для королевы. Она сердечно приветствовала графа и графиню Марвуд.

– Кажется, что лишь вчера вы приехали к нам юной новобрачной, леди Фицхью, – сказала она Блисс. – Но, похоже, прожитые годы не доставили вам особых страданий. Сколько же у вас детей?

– Трое сыновей и дочь, мадам.

– Это они? – спросила леди Брауни, близоруко всматриваясь в молодых людей.

– Только один, мадам. Юный Оуэн, поклонись! – приказала она сыну и просияла, когда он исполнил требуемое. – Позвольте представить вам Эдмунда Кингсли, старшего сына моей сестры Блайт и ее супруга, сэра Николаса Кингсли. А эти двое – Филипп, виконт Уиндхем, и его брат Джайлз, сыновья моей старшей сестры, графини Лэнгфорд. Король назначил их пажами в свиту королевы. Мне велели привезти их к вам, мадам.

Трое мальчиков по очереди поклонились, и леди Брауни кивнула, приятно удивленная их учтивыми манерами.

– А девушка, леди Фицхью? Кто же она?

– Это леди Нисса Кэтрин Уиндхем, мадам. Дочь графа и графини Лэнгфордских. Ей предстоит стать фрейлиной королевы.

Нисса сделала изящный реверанс.

– Фрейлиной? – воскликнула леди Брауни, и ее лицо резко помрачнело. – Боже, еще одна... Каждое достойное семейство сочло своим долгом привезти сюда по молодой девице на должность фрейлины. Нам и не нужно столько! Хотела бы я вам помочь, леди Фицхью, да не могу.

– Боюсь, я выразилась недостаточно ясно, леди Брауни, – извиняющимся тоном произнесла Блисс, однако муж расслышал в ее голосе иронию. – Сам король назначил Ниссу в фрейлины, когда в прошлом октябре посетил ее дом и даже стал крестным отцом для ее новорожденных сестричек-близнецов. Нисса – дочь Блейз Уиндхем. Мы здесь сегодня лишь потому, что ее вызвал ко двору сам Генрих Тюдор, мадам! – Блисс улыбнулась, но ее взгляд был полон решимости. Никто не посмеет отнять место у ее племянницы!

– Вот как, – кивнула леди Брауни. – Я не знала. Дочь Блейз Уиндхем, говорите вы? Имя мне знакомо, но вспомнить не могу.

Девушка была премиленькая и с хорошими манерами, но происхождение? Добрый десяток семей мечтали пристроить дочерей фрейлинами, семей знатных и богатых, которые, несомненно, захотят потом выразить свою благодарность весьма существенным образом. Король, вероятно, уже забыл о назначении этой милой особы. Нужно отослать ее прочь.

– Мою мать называли «любовницей-скромницей», мадам, – внезапно заговорила Нисса. Она уловила выражение лица леди Брауни, и инстинкт подсказал ей действовать. – Мама пробыла здесь недолго, но, уверена, вы ее знаете. И по сегодняшний день она остается преданнейшей подданной короля – и его другом.

– Нельзя быть такой прямолинейной, девочка, – сурово произнесла леди Брауни. Но, когда она тяжело вздохнула, Блисс и Нисса поняли, что победили. – Случалось ли тебе прежде бывать при дворе? – Леди Брауни заранее знала, каков будет ответ Ниссы. – Что ж, в таком случае тебе предстоит многому научиться. Боюсь, однако, что времени у тебя очень мало. Начиная с завтрашнего дня ты будешь приходить ко мне ежедневно после мессы – пока мы здесь, в Хэмптон-Корт. Ночевать тебе придется пока в доме твоей семьи, поскольку прямо сейчас найти для тебя комнату во дворце никак невозможно. Покои фрейлин заняты гостями, ведь новая королева еще не прибыла и в их услугах не нуждаются. Однако, когда мы переедем в Гринвич, все изменится. Ты обязана все время оставаться при королеве, пока она не разрешит тебе отлучиться.

– Да, мадам, – Нисса снова присела в реверансе.

Леди Брауни кивнула и обратилась к Блисс:

– Те же правила касаются и пажей, леди Фицхью. Полагаю, они еще ни разу не уезжали из дому. Надеюсь, они не будут тосковать и сетовать на разлуку с близкими. Терпеть не могу хнычущих мальчишек.

Ее слова привели Филиппа с Джайлзом в негодование, ясно читавшееся в их лицах.

– Идемте, дети, – позвала Блисс. – Мы покажем вам дворец, потому что вы должны знать, где тут что.

– Прекрасная мысль, – одобрила леди Брауни. – Не забудь, Нисса Уиндхем! Завтра утром, сразу после мессы.

– Конечно, мадам, – ответила Нисса, опять приседая в реверансе.

Отойдя на безопасное расстояние от покоев леди Брауни, Блосс со смехом заметила:

– Да, Нисса, она очень старалась нас напугать так, чтобы мы дали деру, да не вышло!

– Может, стоило ее послушать? – задумчиво пробормотала Нисса.

– Чепуха! – резко возразила Блосс. – Для тебя, Нисса Уиндхем, это прекрасная возможность. Твоя мать пришла бы в ярость, посмей ты вернуться домой с поджатым хвостом, точно побитая собака! Кроме того, не так уж она страшна, эта леди Брауни. Она думает лишь о том, как отблагодарили бы ее родители других девушек, мечтающие видеть их фрейлинами. Все продается и покупается, дитя мое! И за твое назначение заплачено: много лет назад за него заплатила твоя мать. Король перед нею в долгу и знает это.

Нисса промолчала. В приемном зале дворца их дожидались лорд и леди Марло. Ниссе даже показалось, что леди Марло нарочно подстроила так, чтобы встретиться с ними снова и как можно скорее. К чете Марло присоединился некий юнец; его лицо было покрыто пятнами, и он нервно переминался с ноги на ногу – ему явно было не по себе. Бедняга густо покраснел, когда его мать окликнула их:

– Блосс! Блосс! Мы здесь!

Пока лорд Марло и граф Марвуд припоминали давнюю встречу, леди Марло с гордостью представила Блосс своего сына Генри. Было ясно, что она уже прикинула в уме возможность брака между ним и Ниссой. Происходящее изрядно позабавило братьев Уиндхем и их кузена.

Оуэн Фицхью решил взять дело в свои руки и предложил:

– Послушайте, я как раз собирался показать моим мальчикам площадки для турниров и поле для игры в теннис. Почему бы вам и юному Генри не отправиться с нами?

– Отличная мысль! – радостно согласился лорд Марло, а мальчик энергично закивал головой в знак согласия.

– Сколько лет Генри? – спросила Блосс подругу, когда джентльмены удалились. – Он совсем юн и, кажется, пошел в отца.

– Двенадцать, – леди Марло тяжело вздохнула. – Действительно, он совсем как Джон. Боюсь, даже больше, чем нужно.

– Тридцать первого декабря Ниссе исполнится семнадцать, – сообщила Блосс. Нужно было рассеять надежды подруги, но ни в коем случае ее не обидеть. – Здесь, при дворе, мы намерены подыскать ей выгодную партию. Ее сердце пока свободно. И ты знаешь, что она хорошо обеспечена. У нее свое имение, Риверсайд, и земли, доставшиеся от покойного отца. Кроме того, отчим тоже отписал ей внушительную сумму. Он ее обожает. По правде говоря, другого отца она и не знала, поскольку родной скончался прежде, чем ей исполнилось два года. Боюсь, девочка отличается некоторым своеволием и нуждается в твердом руководстве со стороны более взрослого и умудренного опытом супруга.

Нисса с раздражением подумала, что дамы говорят о ней так, будто ее и вовсе нет рядом. Она решила за себя постоять.

– Тетя, а разве ты не была такой же в юности? Я, кажется, помню истории, которые рассказывала мама.

– Я? Разве я была упряма? Не припомню ничего подобного, – возмущенно ответила Блосс, однако и ее подруга, и племянница весело рассмеялись.

В конце концов они нашли укромное местечко, где дамы устроились поболтать.

– Расскажи о своей семье, – попросила Адела Марло.

Многое можно было поведать о том, что произошло с ними за прошлые годы, но Ниссе мало-помалу сделалось скучно. Оставив женщин за оживленной беседой, она ускользнула, осторожно прокладывая себе путь среди шумной толпы придворных. За окном она увидела

сад, поэтому, заметив в стене маленькую дверку, она выскользнула на свежий утренний воздух. Когда они ехали в Хэмптон-Корт, небо хмурилось и все было серым, но с тех пор успело проясниться. Небеса были голубыми, и ярко светило солнце. Нисса сделала глубокий, счастливый вдох. Во дворце оказалась такая прорва народу! И нос подсказал ей, что кое-кто из этих разодетых и утонченных дам и господ не позаботился о том, чтобы принять ванну. Поэтому было хорошо очутиться на свежем воздухе, подальше от этих особ.

Нисса медленно шла вперед, осматриваясь по сторонам. В саду было устроено множество небольших прудов, и на краю каждого красовались колонны с каменными изваяниями геральдических животных. Деревянные ограды вокруг клумб были выкрашены в зеленый и белый – цвета королевского дома Тюдоров. Все давно отцвело, но клумбы были вычищены и приведены в порядок в ожидании весны и нового цветения. И вдруг Нисса поняла, что она больше не одна. К ней с улыбкой подошел молодой человек и учтиво поклонился.

– Вы новенькая при дворе, леди, – сказала он и лукаво усмехнулся. – Я знаю здесь всех хорошеньких девушек! Меня зовут Ганс фон Графштейн, и я паж посла герцогского дома Клевских. – Юноша сдернул с белокурых волос свою бархатную шляпу и снова поклонился самым учтивым образом.

Нисса сделала реверанс.

– Сэр, а я леди Нисса Уиндхем. Приехала сюда, чтобы прислуживать новой королеве. Сам король назначил фрейлиной.

– Вы ей понравитесь, – заверил ее Ганс. – Вы молодая и не такая чопорная, как многие из здешних дам.

– Со мною вместе прибыли два моих брата, чтобы стать пажами в свите ее величества, – осмелилась Нисса продолжить беседу. Этот мальчик не внушал ей такой робости, как прочие господа из тех, кого она видела во дворце. – Сколько вам лет? – спросила она. – Думаю, вы примерно одного возраста с моим братом Филиппом, может, чуть помладше. Зато старше, чем Джайлз...

– Так сколько же лет вашим братьям? – попытался сосчитать ее новый знакомый.

– Тринадцать и девять.

– А мне одиннадцать, – сказал он. – Мой дядя служит послом, он старший брат моей матери. Вот так я и получил место. А вы из какой семьи, леди Нисса?

– Я дочь графа и графини Лэнгфорд. – Она решила, что нет нужды сообщать, что Энтони приходился ей отчимом.

– Кажется, имя не самое известное, – сказал Ганс. – Как же вам удалось получить такое завидное место – фрейлиной к нашей принцессе Анне?

И Нисса на миг задумалась – что же такое ей ему сказать? Потом тихий голосок подсказал ей – «скажи правду»!

– Много лет назад моя мать была любовницей короля. Они остались добрыми друзьями. И король с радостью согласился оказать ей услугу, стоило ей его попросить. – Нисса могла вздохнуть с облегчением, когда увидела, что ее смелое признание нисколько не шокировало Ганса фон Графштейна.

Напротив, он вдруг выпалил:

– Леди, вы незаконная дочь короля?

Нисса покраснела до корней своих темных волос.

– Ох, нет, сэр! Мой отец – Эдмунд Уиндхем, третий граф Лэнгфорд. Я родилась в законном браке! Моя мать была вдовой, когда прибыла ко двору и встретила короля. – Похоже, теперь ей придется объяснить все. – Потом мама вышла за племянника моего отца, его наследника. Он стал мне отцом; другого отца я не знала.

– Ага, – с улыбкой сказал Ганс. Теперь ему все стало ясно.

– Расскажите мне о леди Анне, – попросила Нисса. – Мне говорили, что она прекрасна лицом и что у нее доброе сердце. Я рада, что меня назначили к ней фрейлиной. Но какая она на самом деле? И на каком языке мне с ней разговаривать?

Казалось, Ганса позабавила ее просьба.

– Вы говорите на верхненемецком, миледи Нисса?

– На верхненемецком? – Нисса была озадачена. – Нет, конечно.

– Тогда вы не сможете разговаривать с леди Анной, потому что других языков она не знает. Женщины при дворе в Клеве, даже дамы высокого происхождения, совсем не такие образованные, как вы, англичанки. Церковь и дом; ничего другого женщины семейства Клевских не знают, миледи Нисса!

– Но как же она будет разговаривать с королем? – воскликнула изумленная девушка.

– Думаю, это не имеет особого значения, – честно ответил Ганс. – Она едет сюда, чтобы упрочить союз двух стран и нарожать детей. Для таких дел разговоры не нужны.

– Ох, Ганс, боюсь, вы ошибаетесь! – воскликнула Нисса. – Мама всегда мне говорила, что король очень высоко ставит умных женщин. Одаренных и образованных женщин! Он любит музыку и игру в карты. Всякая женщина, если она ищет благосклонности короля, должна соответствовать этим требованиям! Конечно король ценит хорошеньких женщин, но одной красоты ему недостаточно.

– Тогда миледи Анна обречена, куда ни кинь! – сказал Ганс. – Она не очень красива, не разбирается ни в музыке, ни в картах. Она не умеет танцевать, потому что танцы и прочие развлечения считаются при нашем дворе слишком фривольными занятиями...

– Господи! – сказала Нисса. – Что будет с бедняжкой, если она не угодит королю? Ганс, вы должны научить меня каким-нибудь словам и фразам на верхненемецком. Тогда я смогу помочь принцессе Анне освоиться в чужой стране и постичь наши обычаи.

Как она добра, подумал юноша. Ни одна из прочих дам, назначенных в свиту леди Анны, не подумала о том, чтобы помочь новой королеве почувствовать себя как дома. Конечно, он поможет Ниссе Уиндхем. Он пробыл при английском дворе уже несколько месяцев и быстро понял, что бедняжке принцессе придется здесь несладко. Слишком строго ее воспитывали, от всего оберегали. Она будет шокирована, оказавшись здесь.

– Я помогу вам обучиться нашему языку, леди. На каких еще языках вы говорите?

– Я знаю только латынь и французский, – призналась Нисса. – Хотя могу читать еще и по-гречески. Видите ли, я росла в загородном имении и никогда не думала, что попаду в королевский дворец.

– А чему еще вас обучали? – Ганс был заинтригован.

– Я знаю арифметику, умею читать и писать – у меня красивый почерк, а еще знаю кое-что из истории. – Нисса улыбнулась. – Языки давались мне легко. С арифметикой было хуже, но мама говорила, что женщина должна уметь считать, чтобы не позволять слугам и торговцам себя обманывать.

Ганс рассмеялся, в уголках его голубых глаз собрались лучики.

– Похоже, ваша мама очень практичная женщина. И при нашем дворе таких ценят. Принцесса Клевская тоже очень практичная женщина!

– Боюсь, это ей весьма пригодится, если она не сумеет понравиться королю, – заметила Нисса. – Бедняжка! Нелегко это, приехать за тридевять земель туда, где все чужое: язык, обычаи. Как вы думаете, Ганс, она сможет выучить английский?

– Принцесса неглупа. Конечно, сначала ей будет тяжело. Но, думаю, что ей понравится Англия, где у нее будет много свободы. Мой дядя, который хорошо знает принцессу, говорит, что у нее пылливый ум, хотя это качество из нее выбивали, как могли. Женщине приличествует быть покорной и скромной.

Нисса засмеялась:

– Только не англичанке.

Ганс смотрел на нее во все глаза.

– Вы такая красивая, когда смеетесь, – заявил он с самым серьезным видом. – Увы, я слишком молод и недостаточно знатен для дочери графа. Однако мы ведь можем быть друзьями, не так ли?

Нисса была поражена его откровенностью. Тем не менее она постаралась снова улыбнуться. Паренек действительно был очень мил, и в его обществе она чувствовала себя в безопасности.

– Конечно, мы можем быть друзьями, и я представлю вас братьям. Может быть, вы и их поучите вашему языку, и тогда они станут незаменимыми помощниками принцессе... то есть королеве. Ведь она должна стать королевой, поэтому нам нужно называть ее именно так, Ганс фон Графштейн.

– Идемте, – он предложил ей руку. – Я провожу вас во дворец. Поднимается ветер, а вам никак нельзя заболеть. Иначе какая-нибудь другая девушка непременно поспешит отнять у вас завидное место.

– Действительно, – согласилась Нисса, принимая его руку. – Сегодня утром леди Брауни как раз пыталась меня и напугать, и убедить уехать. Но я прибыла сюда, чтобы служить королеве. И я буду ей служить со всей преданностью и старанием – в этом состоит мой долг.

Снова войдя в зал, Нисса увидела, что тетя и леди Марло по-прежнему поглощены беседой. Ее даже не хватились! Она представила дамам пажа посла. Однако Адела Марло, похоже, уже знала, кто такой Ганс, поскольку осторожно поправила Ниссу:

– Барон фон Графштейн, миледи Уиндхем, – сказала она с улыбкой. – Ведь я права, сэр? – Ее лицо сияло.

Ганс кивнул, явно расстроенный. Ему не нравилось быть бароном, но отец умер двумя годами ранее, а Ганс был старшим сыном. Что тут поделаешь? Если бы баронский титул хотя бы означал богатство...

– Ганс будет учить меня верхненемецкому. Леди Анна говорит только на этом языке, – сообщила Нисса. – Мы должны заниматься каждый день, пока не приедет королева. Если я смогу разговаривать с ней, мне будет легче ей помогать. Вы так не думаете, тетя?

– Конечно! – Блисс радовалась сообразительности племянницы. Можно было биться об заклад, что никто из девиц, назначенных фрейлинами, и не подумает выучить родной язык королевы. Она одобрительно похлопала племянницу по плечу.

Вернулся лорд Марвуд в сопровождении лорда Марло и юных джентльменов. Их тоже представили Гансу фон Графштейну, и молодые люди друг другу понравились. А Ниссе было неуютно. Ее братья и кузены, казалось, уже освоились в новой обстановке, а тетя чувствовала себя так, будто вовсе не покидала королевский двор. Может быть, когда приедет королева, ей будет легче – ведь тогда будет чем заняться вместо того, чтобы просто стоять столбом. Внезапно Нисса почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд. Она подняла голову. На другом конце зала стоял богато одетый джентльмен, который не сводил с нее глаз. Она смутилась, и ее щеки жарко вспыхнули алым румянцем. Девушка дернула за рукав леди Марло.

– Кто тот джентльмен, который так на меня смотрит? – спросила она.

Бросив быстрый взгляд в дальний угол зала, Адела Марло тоже покраснела.

– Боже правый! Это Вариан де Уинтер, граф Марч. Один из внуков Норфолка, только незаконнорожденный, как мне говорили. О нем ходят дурные толки, дитя мое! Распутник, соблазнитель женщин! Не смотри на него, не то решит, будто ты его поощряешь. Если девушку увидят наедине с этим ужасным человеком, ее репутация погибла. И ни одной приличной женщине не захочется, чтобы он положил на нее глаз!

– Он очень красив, – тихо произнесла Нисса, которая решила, что молодой человек отнюдь не выглядит негодяем.

– Да, он хорош собой, – согласилась леди Марло. – Но человек он опасный! В самом деле, мне рассказывали люди, которым можно доверять, что... – И она принялась шептать что-то на ухо Блисс так, чтобы Нисса не слышала.

Блисс побледнела.

– Пресвятая Дева! – вздохнула она.

– Кажется, мне вы ничего рассказывать не собираетесь, – полушутливо заметила Нисса.

– Ты слишком молода! – высокопарно воскликнула тетка.

– Но достаточно взрослая, чтобы искать мужа, – продолжила Нисса.

– Бывают вещи, которых молодым женщинам слышать не полагается, – твердо отрезала Блисс. – А это как раз одна из таких вещей.

Обе дамы снова предались болтовне, и Нисса осмелилась еще раз поднять глаза на де Уинтера. Тот как раз разговаривал с каким-то высокопоставленным джентльменом и, к счастью, не заметил ее взгляда. Волевые черты лица, хищное выражение – точно ястреб; волосы были черные как смоль. Интересно, подумала она, какого цвета у него глаза? Неожиданно он повернул голову, и их взгляды встретились. Коснувшись губ кончиками пальцев, он послал ей воздушный поцелуй и лукаво улыбнулся. Нисса едва не ахнула и поспешила отвернуться. Ее щеки горели. Ох, как он смел и дерзок! Она не решалась поглядеть на него снова, чтобы узнать, продолжает ли он на нее смотреть. Но по затылку бежали мурашки.

Следующие несколько дней Нисса исправно являлась к леди Брауни в Хэмптон-Корт сразу после утренней мессы. Ее представили старшим фрейлинам. Две из них, леди Маргарет Дуглас и маркиза Дорсетская, были племянницами короля. Герцогиня Ричмондская приходилась ему невесткой, поскольку была замужем за Генрихом, герцогом Ричмондским, незаконным сыном Генриха Тюдора от Элизабет Блаунт. Были здесь также графиня Хартфордская и графиня Ратлендская, а также леди Одли, Рогфорд и Эджкомб, а еще шестьдесят пять дам рангом пониже. Ниссу представили графу Ратлендскому, который получил должность лорда-управляющего при дворе новой королевы. Это ему будут подчиняться свита королевы и вообще все при ее дворе. Познакомилась Нисса и с сэром Томасом Денни, канцлером королевы, то есть ее главным секретарем, а также с любезным священником, доктором Кэй, который будет капелланом королевы.

Лишь двенадцать молодых девушек станут королевскими фрейлинами. Уверенными в своем назначении могли быть только сестры Бассет, Кэтрин и Анна, – дочери губернатора Кале, лорда Лайла, а также Нисса Уиндхем. Имена прочих претенденток составляли длинный список, из которого предстояло сделать выбор; кроме того, было понятно, что с королевой придут еще несколько дам, ее соотечественниц. Им, конечно, предстояло вернуться назад в Клеве, уступив место англичанкам, но одна или две останутся при Анне. Мест, таким образом, оставалось наперечет, поэтому назначение никому не известной девицы вызвало ропот и всяческие толки.

Но король заставил недовольных замолчать, преувеличенно радостно приветствуя Ниссу на второй же день ее пребывания при дворе. Заметив девушку в обществе леди Брауни, Генрих подозвал ее, и Нисса повиновалась, подойдя и присев перед королем в изящнейшем из реверансов. Протянув царственную руку, Генрих помог ей подняться, а потом расцеловал в обе щеки.

– Итак, юная леди Уиндхем, вы благополучно прибыли. Как вы находите наш двор? Видели ли вы что-нибудь подобное?

– Ваше величество, я и представить такого не могла! Леди Брауни настойчиво обучает меня всему тому, что я обязана знать, чтобы стать настоящей помощницей нашей прекрасной королевы. Я даже изучаю верхненемецкий.

Король просиял от явного удовольствия.

– Друзья мои, ну разве она не сама доброта, как и ее мать? – спросил он у своих спутников. – Вы ведь помните Блейз Уиндхем, мою деревенскую малышку? А это ее дочь, леди Нисса Кэтрин Уиндхем. Я сам выбрал ее во фрейлины моей королеве. Я поклялся Блейзу, что позабочусь о благополучии и безопасности ее дочери, потому что она очень не хотела отпускать ее к нам. – Он погладил тонкую руку Ниссы. – А теперь, милое дитя, бегите назад к леди Брауни.

И под одобрительным взглядом короля Нисса снова присела в реверансе.

– Что ж, – прошептала леди Рогфорд на ухо леди Эджкомб. – Это место занято окончательно и бесповоротно. Он ясно дал нам это понять, не правда ли?

– Совершенно ясно, – согласилась леди Эджкомб. – Но, боюсь, леди Брауни это назначение не по вкусу. Двенадцать мест, и по меньшей мере половина будет занята девицами из Клеве. Маргарет так надеялась получить свое от остальных шести. Но тут три места достаются ставленницам короля, а с ним не поспоришь.

– Я могу понять назначение сестер Бассет, – сказала леди Рогфорд. – В конце концов, Анна была в свите королевы Джейн, а Кэтрин находилась при герцогине Саффолкской. Но эта девица Уиндхем... она же никто! Только потому, что много лет назад ее мать ублажала короля! – Леди Рогфорд округлила свои темные глаза – ей в голову пришла новая мысль. – Вы ведь не думаете, дорогая, что теперь король положил глаз на дочь?

– Не смешите, – ответила леди Эджкомб. – Он снова жених и даже влюблен в портрет королевы. Сейчас у него нет времени для другой женщины. Кроме того, девица так молода, что годится ему в дочери.

– Новая королева тоже молода и тоже годится ему в дочери, – многозначительно заметила леди Рогфорд. – Всего пятью месяцами старше принцессы Марии.

Леди Эджкомб ужаснулась:

– Это безумие – говорить такие вещи вслух! Неужели вам мало того, что вы снова в милости, несмотря на злосчастное родство?

– Родство через замужество, к тому же я уже вдова, – возмутилась Джейн, леди Рогфорд. – Не забывают, что по матери я прихожусь родней королю, хотя родство с Генрихом Тюдором никак не может быть залогом личной безопасности...

Уинифрид Эджкомб побледнела.

– Когда-нибудь, Джейн, вы лишитесь головы, – предостерегла она. – А что до леди Ниссы Уиндхем, король остался другом ее матери. И по словам леди Марло, она еще и наследует земли.

– Значит, у девушки есть кое-что посущественней красоты, – заключила леди Рогфорд. – И все же королеве должны прислуживать исключительно дамы самого высокого происхождения. Так было во времена королевы Джейн... да и раньше.

Она намекала на свою безвременно погибшую невестку, Анну Болейн. Джейн Рогфорд побывала в несчастливом браке за Джорджем, братом Анны; та очень любила своего брата и не хотела замечать его пороков. В конце концов Джейн отомстила им обоим. Теперь оба мертвы, а она снова в фаворе у короля. Леди Рогфорд холодно улыбнулась. Она сверлила взглядом Ниссу Уиндхем. Красивая, молодая и богатая – но этих качеств недостаточно, чтобы выжить при дворе. Тебе придется быть очень сообразительной, крошка, подумала она. Иначе тебя ждет гибель. Да, у тебя нет другого выхода – так что будь умницей...

Глава 3

Наконец выбор был сделан – и шесть девушек-англичанок стали фрейлинами новой королевы. Кроме Ниссы Уиндхем, это были сестры Бассет – Анна и Кэтрин; затем Кэтрин Кэри, дочь Уильяма Кэри и его супруги, Мэри Болейн; Кэтрин Говард, племянница Томаса, герцога Норфолкского, и, наконец, Элизабет Фицджеральд по прозвищу Сиротка из Килдэра, дочь усопшего графа Килдэрского. К радости леди Брауни, король позволил ей самой выбирать девушек на оставшиеся шесть мест.

– А девиц из Клеве мы очень скоро отправим восвояси, – обещал он. – Если моей невесте предстоит стать королевой Англии, тогда ей должны прислуживать английские дамы. Разве я не прав, леди Маргарет?

– Да, ваше величество, – улыбаясь, ответила достойная дама, снова воспрянув духом. Леди Брауни больше не досадовала, что король лично произвел первые шесть назначений. Свою выгоду она получит с лихвой, выбрав шесть девушек на оставшиеся шесть мест.

Среди уже избранных фрейлин Нисса и сестры Бассет были самыми старшими. Сестры, однако, держались особняком и задирали носы – еще бы, ведь их отец правил от имени короля в Кале. Старшая из сестер, Анна, сделалась предметом сплетен, когда в начале лета король подарил ей лошадь и седло. Причин для слухов не было, однако слухи ходили. Так или иначе, сестры всегда участвовали в придворной жизни. Ниссу раздражало их исключительное высокомерие.

– Не обращай на них внимания, – посоветовала юная Кэтрин Говард и рассмеялась. – Надутые сороки, и ничего больше.

– Тебе легко говорить, – возразила Нисса. – Ты из семьи Говард. А я всего-навсего Уиндхем из Лэнгфорда и ничего не понимаю в дворцовых обычаях.

– Чепуха! – воскликнула Элизабет Фицджеральд. – Я выросла при дворе и нахожу твои манеры, Нисса, просто безупречными!

– Так оно и есть, – согласилась Кэтрин Кэри. – Честно, никто бы не догадался, что ты при дворе новенькая!

Девушки были приятные и общительные, пятнадцати и шестнадцати лет, одна краше другой. У Кэтрин Говард были каштановые кудри и чудесные голубые, как небо, глаза. Кэтрин Кэри была черноглазой блондинкой. Элизабет Фицджеральд могла похвастать черными волосами и голубыми глазами. Придворные мужчины обожали общество этой троицы веселых проказниц. Леди Брауни приходилось держать их в узде железной рукой!

Одиннадцатого декабря кортеж принцессы Клевской наконец прибыл в Кале, но продвигаться дальше оказалось невозможно. Погода решила испытать терпение путешественников. Целых две недели в проливе бушевал свирепый шторм, и вскорости всем стало ясно, что никакого пышного свадебного торжества на Рождество не будет. Тем не менее двор находился в состоянии исключительного волнения. Ежедневно в Хэмптон-Корт прибывали все новые люди, которых вызвал король, дабы они могли засвидетельствовать почтение новой королеве, все еще застрявшей в Кале.

Двадцать шестого декабря наступило краткое затишье, и лорд-адмирал решил немедленно переправляться, рассудив, что в противном случае, если погода обрушит на пролив новый шторм, им, чего доброго, придется куковать на берегу до весны. Переправа началась в полночь и оказалась приятной и быстрой. В пять часов утра корабли, перевозившие свадебный караван, уже встали на высадку в Диле, где королеву ожидали герцогиня Саффолкская, епископ Чичестерский и прочие важные лица. Анну разместили в Дуврском замке, но погода немедленно испортилась снова. Все началось с дождя со снегом, но вскоре всюду бушевала

метель, как и положено в конце декабря. Непрерывно дул ледяной ветер. Такой холодной зимы не было уже много лет.

Тем не менее Анна выражала настойчивое желание ехать дальше, в Лондон. В понедельник, двадцать девятого декабря, она прибыла в Кентерберии, где ее приветствовал архиепископ Кранмер, которого сопровождали триста мужчин в алых шелках и золотой парче. Анну поселили в гостевом доме монастыря Святого Августина. Во вторник тридцатого декабря Анна покинула Кентерберии и продолжила путь до Ситтинборна, а в канун Нового года добралась и до Рочестера, где ее приветствовали герцог Норфолк и сотня всадников в зеленых бархатных плащах, украшенных золотыми цепями. Они сопровождали принцессу в епископский дворец, где ей предстояло провести следующие две ночи.

Именно там ожидали Анну леди Маргарет Брауни и пятьдесят дам королевской свиты, в том числе шесть фрейлин. Оказавшись лицом к лицу с будущей невестой, леди Брауни едва сумела скрыть изумление и разочарование. Стоящая перед нею женщина обнаруживала весьма смутное сходство с той, что была на портрете кисти Гольбейна и которой так восхищался король. Леди Брауни присела в низком реверансе, и на ум ей пришел оскорбительный стишок, получивший недавно хождение среди придворных:

Все смотрю на ваш портрет.
Где же сходство? Сходства нет!

Портрет изображал женщину довольно миниатюрную, с нежным личиком. Но леди Брауни видела перед собой даму изрядного роста, с резкими, неприятными чертами лица. Помилуйте, да она сможет, если захочет, смотреть королю прямо в глаза, если не сверху вниз! А цвет лица! Не бледный, как положено благородной даме, а желтоватый. Глаза, решила леди Брауни, и есть самое красивое в принцессе: ярко-синие, правильной формы и выразительные. Она присела в реверансе и встала, и тут леди Анна улыбнулась. Ее улыбка была милой и доброй, но в глубине души англичанка уже была убеждена, что новоприбывшая совершенно не во вкусе короля. Генрих Тюдор предпочитал совсем других женщин.

Маргарет Брауни и ее супруг были частью придворной жизни уже долгие годы. И эта достойная дама знала, что король, будучи мужчиной крупным, любил хрупких, изящных женщин мягкого, привязчивого характера. А это была настоящая валькирия! Рейнская дева! Разве можно назвать ее беззащитной? И что еще хуже, принцесса была одета просто безобразно. Совершенно не по моде и не к лицу. На голове у нее был огромный чепец, полностью скрывающий волосы и прибавляющий принцессе росту, который и без того был немалый. Ее было необходимо переодеть.

– Добро пожаловать в Англию, мадам, – торжественно произнесла леди Брауни, вспомнив о манерах. – Я леди Маргарет Брауни, назначенная милостью его величества начальницей королевских фрейлин. Шесть из них я привезла с собой и теперь, с вашего высочайшего позволения, хотела бы вам их представить. – Она снова сделала реверанс.

Юный барон фон Графштейн перевел ее слова принцессе. Дядя уже назначил его официально служить королеве. Когда он закончил переводить, принцесса энергично закивала головой и чепец затрясся, угрожая вовсе свалиться с ее головы.

– Да! Да! – сказала она громко по-немецки.

Леди Брауни сделала знак стоящему в дверях пажу. Распахнув дверь, Филипп Уиндхем пригласил войти шестерых фрейлин. Молодые девушки, в своих лучших платьях, весело впорхнули в зал, остановившись по первому знаку Анны Клевской. Обе сестры Бассет ахнули, за что и заслужили гневный взгляд леди Брауни, которая скомандовала:

– Реверанс, девицы!

И шесть молодых девушек присели в реверансе.

– Делаете шаг вперед, когда я называю ваше имя ее светлости, – приказала леди Брауни. Обернувшись к Гансу фон Графштейну, она сказала: – Сэр, сейчас я буду представлять фрейлин леди Анне.

– Пусть леди Нисса будет последней, кого вы вызовете, миледи! – попросил молодой человек. – Ее светлость будет поражена, что леди Уиндхем хоть немного умеет говорить на ее родном языке. Она непременно захочет расспросить ее об Англии.

– Разумеется, сэр, – ответила ему леди Брауни, после чего представила каждую фрейлину ее будущей королеве, радуясь тому, что девицы, несмотря на очевидное смущение, сумели сохранить присутствие духа и продемонстрировать отличные манеры. Первой она вызвала Кэтрин Кэри, поскольку та была племянницей короля. Следующей была Кэтрин Говард, которая сама по себе не была важной особой, зато ее дядя, герцог, таковым был. Затем настала очередь Элизабет Фицджеральд и сестер Бассет.

Наконец в реверансе перед принцессой Клевской присела Нисса Уиндхем.

– Приветствую вас в Англии, ваше высочество, – произнесла она медленно, тщательно выговаривая слова на верхненемецком, как учил ее Ганс.

По лицу принцессы расплылась широкая улыбка, а изо рта потоком полились слова, из которых Нисса разобрала лишь несколько.

Ганс фон Графштейн улыбнулся, восхищаясь своей ученицей, и сказал, обращаясь к леди Анне:

– Она вас не понимает, ваше высочество. Она только учит наш язык. Я обучаю ее. Она подумала, что вам, должно быть, будет очень трудно в чужой стране, где никто вас не понимает. А леди Нисса вас поймет, если вы будете говорить медленно и отчетливо произносить слова.

Принцесса Клевская кивнула юноше. Затем, обращаясь к Ниссе, медленно произнесла:

– Миледи, вы очень добры, если сочувствуете моему положению. Теперь вы меня понимаете?

– Да, мадам, – ответила Нисса и снова присела в реверансе.

Принцесса обратилась к пажу:

– Кто она, Ганс? Я имею в виду – из какой она семьи?

– Леди Уиндхем – дочь графа Лэнгфорда. Семейство незнатное, но много лет назад ее мать была любовницей короля. Как мне говорили, это была добрая и нежная леди нрава тихого и скромного. Ее так и называли – «любовница-скромница».

– Ах, – судорожно выдохнула принцесса Клевская. – Возможно ли, Ганс, что эта девушка его дочь?

– Нет, мадам, это не так. Нисса родилась прежде, чем ее мать явилась ко двору. Она рождена в законном браке своих родителей.

– Скажи мне, Ганс, – продолжала принцесса, – почему эти леди смотрят на меня так странно? Эта леди Брауни, она просто разинула рот, когда увидела меня в первый раз! В чем дело? Знаю, что я одета не по английской моде. Мой наряд мог показаться ей странным, но дело не только в этом – я же вижу.

– Этот живописец, Гольбейн, ваше высочество... Он польстил вам, когда писал с вас портрет, – честно признался Ганс. – Он убавил вам росту и, кажется, смягчил черты лица. Должен предупредить, миледи, что король влюбился в ваш портрет.

– Вот как, – кивнула Анна Клевская. – Что ж, боюсь, ему придется принять меня такой, какая я есть. В конце концов, он далеко не молод, не правда ли, Ганс? – Она усмехнулась. – Ему повезло, что он вообще нашел невесту королевской крови. Как муж, он пользуется дурной славой. – Она снова усмехнулась. – Однако я буду с ним робкой и скромной, потому что никогда в жизни так не радовалась возможности уехать из Клеве, как радуюсь сейчас. С тех пор как умер наш отец, мой брат герцог сделался совершенно невыносим.

Нисса слушала, сделав большие глаза. Она почти ничего не понимала, потому что принцесса и паж тараторили так, что она за ними не поспевала, однако выхватывала из беседы то слово, то целую фразу. И Нисса поняла, что принцесса далеко не глупа и не лишена чувства юмора.

– Я помогу вам выучить английский, ваше высочество, – храбро сказала она.

– Отлично, – с улыбкой ответила принцесса. – Ганс, скажи леди Брауни, что мне понравились все фрейлины, но я счастлива, видя доброту леди Уиндхем, которая постаралась овладеть нашим языком!

Мальчик перевел слова своей госпожи и едва удержался от того, чтобы не рассмеяться, когда увидел, что почтенная дама с облегчением перевела дух.

– Вы так добры, ваше высочество, – сказала она.

Доброта – это, конечно, хорошо, но где юная женская прелесть, способная увлечь короля? Помогите нам всем Господь, подумала про себя леди Брауни. Что сделает король, когда увидит невесту? Снова присев в низком реверансе перед принцессой Клевской, она повела свой отряд вон из зала. Они семенили за ней, точно цыплята за наседкой.

– Богом клянусь, она безобразна, – объявила Анна Бассет, когда они очутились в надежных стенах отведенных фрейлинам покоев. – Толстая и дурно одетая.

– Королю хватит одного взгляда, чтобы отправить ее назад, – подхватила Кэтрин Бассет со злорадством в голосе. – Высокая и нескладная, точно аист. Совсем не то, что наша милая королева Джейн!

– Королева Джейн мертва, и вот уж два года, как похоронена, – заметила практичная Кэт Говард. – Величайшим достижением ее жизни было рождение нашего дорогого принца Эдуарда. В конце концов она надоела бы королю, и вообще эти Сеймуры совершенно несносны, как говорил мой дядя герцог Томас. Королю нужна новая жена и побольше сыновей!

– Что правда, то правда, – согласилась Кэтрин Кэри. – Но мне кажется, что эта принцесса ему совершенно не подходит. Бедняжка, она проделала такой долгий путь!

– Король уже далеко не в расцвете юных лет и не может рассчитывать на то, что сосватает молодую красавицу, – заговорила Элизабет Фицджеральд своим мягким, мелодичным голосом. – Конечно, леди Анна не очень похожа на свой портрет, но она кажется достойной дамой, и у нее добрые глаза.

– Чтобы завоевать Генриха Тюдора, одними добрыми глазами не обойдешься, – заметила леди Брауни. – А вы что скажете, леди Уиндхем? Вы ведь с ней говорили. Что она сказала?

– Я просто приветствовала ее в Англии, и она меня поблагодарила, – ответила Нисса. – Я предложила помочь ей овладеть английским языком. Кажется, она настроена дружелюбно и желает учиться, мадам. Мне она понравилась. Надеюсь, что она понравится и королю.

Им предстояло это выяснить довольно скоро, потому что королю не терпелось увидеть невесту, и он галопом вылетел из Хэмптон-Корта, чтобы, как он сам признался Кромвелю, «вскормить пламя любви» между ним и дамой, на которой ему предстояло жениться. Король смело и неожиданно для всех ворвался в зал епископского дворца, одетый в просторный плащ с капюшоном, который скрывал лицо. В руке он сжимал дюжину соболиных шкурок, которые собирался преподнести в дар принцессе. Но она, увидев его громоздкую, высокую фигуру в длинном черном плаще, закричала от страха и, схватив подушку, начала бить ею нарушителя спокойствия по голове. Король попятился, отбиваясь, – не очень обнадеживающее начало!

Ганс фон Графштейн поклонился королю и принес извинения.

– Она не поняла, что это вы, ваше величество. Позвольте мне объяснить.

Генрих нетерпеливо кивнул.

– Поторопись же, друг мой! Я с таким терпением дожидался приезда этой леди, что сейчас хочу поскорее с ней познакомиться. – Король силился разглядеть лицо девушки.

Юный паж подошел к принцессе.

– Ваше высочество, не пугайтесь. Это сам король, который решил вас удивить.

– Этот огромный лесной вепрь и есть король? – сказала принцесса, и подушка вывалилась из ее рук. Она пристально воззрилась на Генриха Тюдора, затем отвела взгляд. – Господь наш на небесах! За кого же я обещала выйти замуж, мой добрый Ганс?

– Миледи, вы должны приветствовать его, – взволнованно подсказал ей мальчик.

– Должна, значит, должна, – ответила она и присела в низком реверансе, склонив перед королем голову.

Что за милая скромница, решил король, и его настроение вмиг улучшилось. Она была напугана незнакомцем, но вела себя так отважно, а затем стала так очаровательно смиренна! Какое изящество манер, какое... Да, но какого роста эта женщина! Совсем не та, что на портрете! Генрих был шокирован, когда принцесса встала во весь рост и смело встретила с ним взглядом.

– Добро пожаловать в Англию, мадам, – вот и все, что он сумел вымолвить, старательно скрывая охвативший его ужас.

Ганс фон Графштейн перевел приветственные слова короля принцессе.

– Поблагодари его от моего имени, Ганс, – ответила Анна Клевская, которая с разочарованием отметила, что при близком рассмотрении король оказался толст, как упитанный боров, готовый к убою. Когда он откинул плащ, под ним оказался роскошный наряд. Куда более модный и роскошный, чем она только могла вообразить. Ее собственный гардероб, несмотря на то, что на его создание ушла масса стараний и денег, ни шел ни в какое сравнение с королевским. Он казался неуместным и старомодным, даже фрейлины выглядели куда наряднее. Придется это исправить, но для королевы Англии это не составит никакого труда.

Преодолев изумление первой встречи, король сказал:

– Ганс, спроси принцессу, было ли ее путешествие приятным.

Черт, эта женщина невозможно высокого росту, а нос у нее точно башмак.

Паж перевел слова короля.

– Скажи ему, что прием, оказанный нам в Кале, превосходил пышностью все, что мне доселе приходилось видеть. Я благодарна английскому народу за теплые приветствия. Да, меня приняли хорошо. – Я ему не нравлюсь, про себя думала она, продолжая улыбаться. Придется держаться с ним легко и почтительно, иначе не сносить мне головы. Возможно, я даже сумею его покорить, вот только хочу ли я этого?

– Я тронут желанием принцессы поскорее до нас добраться, – сказал король.

Разумеется, ей не терпелось добраться сюда поскорее и связать меня брачными узами, думал про себя король. Они мне солгали! Они все мне солгали. Кромвель! Он жаждал этого брака и слышать не хотел о других претендентках. Он за это заплатит. И, если есть способ избавиться от этого кошмара, то, клянусь небесами, я его найду! Не позволю приковать себя цепями к этой уродине, хотя Гольбейна винить не могу. Он художник и видит сердцем.

– Ганс, спроси короля, не соблаговолит ли он сесть. Вижу, он хромает на одну ногу, только ему об этом не говори. Это может его задеть. Старики вечно обижаются на подобные вещи. Просто скажи, что мне будет приятно, если он окажет мне честь и выпьет со мной бокал вина. Если он согласен, налей нам. Он проскакал верхом многие мили, да еще по холоду; и, как мы оба видим, моя особа, боюсь, не привела его в восторг.

– Мужайтесь, мадам, – ответил мальчик и, повернувшись к королю, сказал: – Принцесса спрашивает, не угодно ли вам выпить с ней по бокалу вина, ваше величество! Она тревожится, что вы могли схватить простуду после долгого путешествия сквозь снег и дождь. Она в высшей степени заботливая дама.

– Бокал вина будет очень кстати, парень! Поблагодари принцессу за ее заботу. – По крайней мере, у нее доброе сердце. Уже кое-что, но этого мало, черт подери!

Принцесса указала ему на удобное кресло возле жарко пылающего камина, и сама заняла кресло напротив. Ее одежда показалась ему безобразной. А этот тягучий, вязкий говор! Ох, они все заплатят за этот провал, особенно Кромвель. Вне всяких сомнений, он лгал, когда говорил, будто и Мария де Гиз, и Кристина Датская отвергли его сватовство. Какая женщина, находясь в здравом уме, откажется стать королевой Англии? У Кромвеля явно были скрытые мотивы, но его планам не суждено сбыться.

Я не женюсь на этой женщине! Не бывать этому!

Юный паж поднес королю и принцессе кубки с вином. Он почтительно остался стоять рядом, переводя те несколько осторожных фраз, которыми они обменялись. Потом король встал и приказал пажу:

– Скажи леди Анне, что я должен идти. Я благодарю ее за сердечный прием. И мы скоро увидимся снова.

Надеюсь, не очень скоро, угрюмо подумал он, терпеливо дожидаясь, пока паж поговорит с принцессой на родном языке.

– Ему не терпится уйти, он этого даже не скрывает, – мрачно произнесла Анна, однако лицо ее оставалось безмятежным.

– Скажи его величеству, что мое сердце переполнено благодарностью за теплый прием. И не вздумай засмеяться, не то я влеплю тебе пощечину – положение очень серьезное.

Ганс фон Графштейн произнес торжественным тоном:

– Принцесса говорит, что ее сердце переполняет благодарность за ваш теплый и сердечный прием, ваше величество!

Хмыкнув себе под нос, король небрежно поклонился своей нареченной и торопливо покинул зал. В коридоре его дожидался сэр Энтони Брауни. Теперь король мог дать выход гневу и рывкнул:

– Меня ввели в заблуждение, милорд! Эта женщина совсем не такая, как ее описывали. Она мне не мила!

Он вспомнил, что все еще сжимает в руке связку собольих шкурок, которые принес с собой, и сунул их сэру Энтони.

– Передайте их ей!

– Вам не понравилась принцесса Клевская? – голос сэра Энтони дрогнул.

– Разве я неясно выразился?! – прогрохотал король. – Она мне не мила! Есть легенда о лебеде, который приплыл по Рейну и оплодотворил двух принцесс рода Клевских. Говорят, что ее линия берет начало от этих двух девиц. Я ожидал увидеть серебряного лебедя, а мне прислали фламандскую кобылу! Она мне не мила!

Оказавшаяся неподалеку Нисса услышала слова короля и, побледнев, испуганно ахнула. Король и сэр Энтони, обернувшись, уставились на нее, и бедняжка, съежившись от страха, все-таки сообразила присесть перед королем в реверансе. Когда король увидел Ниссу, его лицо несколько смягчилось, и он протянул ей руку.

– Пусть мой праведный гнев не устрасит вас, миледи, – сказал он. – Ах, Нисса, радуйтесь, что вы всего-навсего дочь графа, а не короля. Короли не могут жениться по своему выбору. Им приходится думать, как угодить своему народу! – Он театрально вздохнул.

– Ах, милорд, принцесса Клевская – очень достойная леди! – пылко воскликнула Нисса. – И я скоро научу ее нашему языку.

– Энтони! Энтони! Ну разве она не прелесть, дочь моей сельской затворницы? Ее доброе сердечко переполняет любовь; вся в мать! – Король погладил тонкую руку Ниссы и затем, к ужасу девушки, привлек ее к себе, прижал к груди, которую поверх расшитого золотом бархатного камзола украшала тяжелая золотая цепь, и начал гладить ее по волосам. – Дражайшая малышка Нисса, желаю вам никогда не узнать той тоски, которую испытывает человек, которого насильно ведут к алтарю! Но нет, такая судьба вас минует, дитя мое. Вы должны выйти

замуж только по любви. Я, ваш король, приказываю вам! – Потом, осторожно отстранив от себя девушку, Генрих повернулся и медленно зашагал прочь по коридору.

– Держите язык за зубами, девушка, – мрачно предостерег ее сэр Энтони. – Король – это вам не просто разочарованный жених.

– Я отлично понимаю, что тут замешана политика, милорд, – серьезно проговорила Нисса. – Пусть я молода и новенькая при дворе. Но меня многому обучали, и я отдаю себе отчет, что женитьба короля – очень сложное дело. Кроме того, я бы не хотела навредить леди Анне. Она мне нравится.

– Значит, – кивнул умудренный годами жизни при дворе джентльмен, – ты не та сельская мышка, какой король тебя представляет.

– Как и моя мать, сэр, – храбро ответила Нисса. – Она сумела выжить при дворе, и я намерена последовать ее примеру.

Присев в реверансе, Нисса торопливо направилась в приемный зал епископского дворца, где все еще пребывала принцесса.

– Она знает, что не понравилась королю, – выпалил Ганс фон Графштейн, стоило Ниссе закрыть за собой дверь.

– Тише! – предостерегла его девушка. – Тебя может услышать сэр Энтони Брауни.

– И что же будет? – не унимался мальчик. – Он ее казнит?

– За что? – удивилась Нисса. – За то, что она не очень похожа на портрет, написанный Гольбейном? Так это не ее вина. Принцесса всего лишь пешка в политических шахматах, в которые играет Европа.

– Тогда что же с ней будет? – спросил Ганс шепотом.

– Он ведь король, так откуда мне знать? Простой человек попытался бы избежать помолвки. Наверное, так поступит и король. Он потребует, чтобы Кромвель и прочие советники придумали способ отступления, но он не захочет, чтобы все считали его виноватым. Генрих Тюдор не из тех, кто готов признать свою вину. Мама предупредила на случай, если меня угораздит невольно обидеть его. Что можно использовать против принцессы, Ганс?

– Поговаривали об обручении с сыном герцога Лотарингского, когда принцесса была совсем крошкой, но дело ничем не кончилось. Брачный контракт не был не то что заключен, но даже составлен. Поэтому она могла совершенно свободно заключить союз с вашим королем.

– О чем вы говорите? – вмешалась принцесса.

Ганс быстро перевел ей и сказал:

– Леди Нисса очень сочувствует вашему положению, принцесса. Будь в ее силах, она бы вам помогла, но что она может...

– Ты должен посоветовать принцессе держать себя с достоинством и сохранять твердость духа, – перебила его Нисса. – Пусть делает вид, будто все просто прекрасно и что она даже не подозревает о том, что король разочарован. Пусть лезет из кожи вон, лишь бы ему угодить – как на людях, так и оставшись с ним наедине. Король не станет скрывать своих чувств. Стоит ему лишь намекнуть на неудовольствие так, чтобы придворные догадались, и твоя госпожа превратится в загнанную дичь. Ганс, она должна притвориться, будто не понимает своего положения. Только так она сумеет здесь уцелеть.

Паж перевел ее слова принцессе, которая энергично кивала головой.

– Да! Да! Она права, милое дитя. Может быть, эта крошка плохо знакома с придворной жизнью, зато она очень умна. Как вы полагаете, король сдержит клятву и женится на мне?

Ганс задал этот вопрос Ниссе.

– У короля нет другого выхода, кроме как жениться на принцессе, если, конечно, советники не сумеют отыскать благовидный предлог разорвать брачный договор. Но я не думаю, что у них это получится, вот потому и советую ей стараться изо всех сил, чтобы угодить королю. Она может прямо сейчас начать уроки музыки. Госпожа Говард очень искусна в игре. Пусть

принцесса попросит обучить ее лютне! А еще, Ганс, она должна научиться танцевать! Мы все можем учить ее танцам. Король любит танцевать.

Ганс передал принцессе советы Ниссы.

– Этот верзила еще и танцует?! – воскликнула пораженная Анна Клевская. – Кто бы мог подумать! Должно быть, под ним трясется пол, когда он скачет туда-сюда в своих пышных нарядах и золотых цепях. – Она даже засмеялась, представив себе танцующего короля.

– Он отличный танцор и весьма грациозен, несмотря на громоздкую фигуру, – заметила Нисса, когда Ганс перевел ей слова принцессы.

– Да? Значит, мне тоже придется научиться быть легкой и грациозной. Да! Я стану образцовой супругой для короля Генриха.

Нисса засмеялась, когда Ганс передал ей то, что сказала принцесса, но она быстро стала серьезной.

– Принцесса должна соглашаться с мнением короля всегда и во всем, но ей ни в коем случае нельзя выказывать нерешительность, иначе ее сочтут слабовольной или станут ею помыкать, чего также допускать нельзя. Король не боится умных женщин, просто хочет их превосходить.

Не успел Ганс перевести эти слова принцессе, как она разразилась смехом.

– Да! Это правда, все мужчины таковы! Думаю, мой брат и король Генрих могли бы отлично поладить. Однако нельзя не задуматься, зачем Господь Бог создал женщину после того, как создал мужчину? Может быть, понял, что совершил ошибку? Есть над чем задуматься, не правда ли, друзья мои?

Второго января принцесса и ее свита отправились в Дартфорд, а королевский двор отбыл в Гринвич. Фраза «она мне не мила!» уже разнеслась среди придворных остряков, которые быстро догадались, что король разочарован в принцессе Клевской. Однако живописец Гольбейн, как и ожидалось, избежал королевского гнева. Он ловко преподнес рассерженному господину – будто бы в честь Нового года – портрет двухлетнего наследника, в алом атласном костюмчике и шляпе, чем и заслужил немедленное прощение. Тем более что мальчик на портрете демонстрировал поразительное сходство с отцом.

К почти всеобщему восторгу, король был в ярости на своего главного министра – Томаса Кромвеля. Вернувшись в Лондон, он в присутствии всего Совета орал:

– Чертов проныра, ты меня обманул! Хотел бы я знать, зачем! Я мог бы получить жену-француженку или датчанку, но нет! Тебя устраивал только союз с Клевскими. Почему? У нее землистая кожа и грубые черты лица. Она высокая, точно каланча! Она вообще здоровенная, пусть и не толстуха. Фламандская кобыла! Что ж, на эту кобылу королевский жеребец не польстится, сэр!

Министры тихонько засмеялись, а Томас Кромвель побледнел. Но он не собирался признавать поражение. Повернувшись к лорду-адмиралу, он сердито спросил:

– Вы ведь видели ее, милорд, но не предупредили короля о том, что она нам не подходит! А я мог полагаться исключительно на донесения. Вы были первым англичанином, который увидел ее воочию. Но вы не сообщили, что она никуда не годится!

– Разве я имел на это право? – возмущенно воскликнул адмирал. – Союз уже был заключен. Я полагал, что эта женщина должна стать моей королевой. Разве мог я обсуждать ее внешность? Может быть, она не совсем похожа на ту даму, что изобразил мастер Гольбейн на своем портрете, однако у нее доброе сердце и учтивые манеры. Это не мое дело – искать в ней недостатки.

Король снова накинудся на своего главного советника:

– Он прав, Кром! Ты недостаточно узнал эту женщину, а теперь мне не остается ничего другого, как жениться и лечь с ней в постель! Она мне не мила! Не мила!

– Но это выгодный союз для вашей милости, – сделал новую попытку Кромвель. – Брак с принцессой позволит вам противостоять союзу Франции и Священной Римской империи.

– Уверен, есть другие пути для достижения этой цели, – тихо заметил герцог Норфолк.

– Другого пути нет, – отрезал Кромвель. – И не может быть повода для расторжения союза. Ранее заключенных брачных договоров у нее нет. Нет и кровного родства между вами. Она не лютеранка, но скорее, как и ваша милость, исповедует доктрину главенства государства над церковью.

– Меня ввели в заблуждение! – зло рычал король. – Она совсем не такая, как мне ее описывали. Знай я заранее, милорды, то не допустил бы, чтобы она приехала в Англию! Теперь мне придется совать голову в петлю, которую ты мне приготовил, Кром. Меня попросту обманули. – Гневным взглядом король обвел собравшихся за столом, но самый яростный взгляд предназначался Томасу Кромвелю, и враги лорда-канцлера поняли, что теперь его дни сочтены. Наконец-таки сын мясника допустил ошибку!

Кромвель встал и сказал:

– В какой день ваше величество прикажет короновать принцессу? На Сретение, как было решено ранее?

Король смерил его гневным взглядом.

– Поговорим об этом, когда я сделаю ее своей королевой, – мрачно ответил он.

Кромвель поморщился, но продолжал:

– Ваше величество, очень скоро нам придется выехать навстречу принцессе, чтобы сопроводить ее в Лондон.

Не сказав больше ни слова, Генрих Тюдор вскочил из-за стола и покинул зал.

– Твое время на исходе, Кром, – дерзнул заметить герцог Норфолк.

– Я верный слуга королевскому величеству, в отличие от вас, герцог Томас, – ответил Кромвель. – И я еще не умер.

Король покинул Лондон и отбыл в Гринвич с огромной свитой придворных. Предполагалось, что они встретят Анну Клевскую и ее эскорт на Стрелковом холме поблизости от Блэкхита, откуда королю надлежало сопроводить невесту в Лондон. Генрих Тюдор спустился вниз по Темзе на барже. Сопровождающие его суда были богато украшены яркими шелковыми лентами, которые весело развевались на холодном ветру. Лорд-мэр Лондона и члены городского совета плыли на собственной барже, которая следовала сразу за королевской.

Анна выехала из Дартфорда, где отдыхала последние дни. Теперь в ее свите оставалась лишь сотня из прибывших с принцессой из Клеве. Две фрейлины-немки говорили по-английски – это были старшая сестра Ганса, Хельга фон Графштейн, тринадцати лет, и его кузина, Мария фон Хессельдорф, которой было двенадцать. Конечно, сестры Бассет их не замечали, зато остальные англичанки с радостью приняли немок в свою компанию. Обе девушки быстро научились играть на лютне, заслужив восхищение Кэт Говард. Бедняжка была весьма обескуражена неудачными попытками обучить музыке принцессу.

– У нее нет слуха, – жаловалась Кэт, потряхивая гривой каштановых кудрей. – Если король услышит, как она играет, боюсь, окончательно вспыхнет к ней отвращением.

– Зато она быстро учится танцевать, – с улыбкой возразила Нисса. – Принцесса очень грациозна. И за последние дни ее английский стал значительно лучше. Надеюсь, король будет ею доволен.

– Она старается изо всех сил, – согласилась Кейт Кэри. – Какая разница, что на портрете ее изобразили немножко другой?

– Боже правый, – тихо воскликнула Кэт Говард, – какой ты еще ребенок, Кейт, если не понимаешь, что мужчины первым делом смотрят на внешность женщины? Для большинства из них все прочее неважно.

– Надеюсь, не все мужчины таковы, – тихо сказала Нисса.

– Тебе-то не о чем беспокоиться, – ответила Кэт. – Ты самая красивая из нас. Ты похожа на маму?

– У меня ее глаза.

– Говорят, в те дни король был без ума от нее, – продолжала Кэт.

– Тогда ты знаешь больше, чем я. В те дни я была совсем крошкой, да и жила вдали от двора.

Для официального приема принцессы Анны они привезли в Лондон свои лучшие платья. Нисса выбрала бархатное платье цвета бургундского вина, отделанное по подолу и на рукавах мехом куницы. Нижняя юбка, из бархата винного цвета, была украшена вышивкой золотом. К платью прилагалась накидка с капюшоном, подол которой также украшал мех. Капюшон, однако, девушка надевать не стала, аккуратно забрав свои длинные темно-каштановые волосы под золотую сетку. Руки, затянутые в мягкие лайковые перчатки для верховой езды, уверенно сжимали поводья серой кобылки. Прочие девушки тоже были разодеты. Все помнили, как однажды покойная королева Джейн отослала домой Анну Бассет, велев нашить на лиф побольше жемчужин. Фрейлина королевы должна соответствовать высокому статусу своей госпожи. Она ни в коем случае не должна показаться оборванкой!

Принцесса Клевская спустилась со Стрелкового холма и проследовала в специально устроенный для нее шатер из раззолоченной парчи. Вокруг были возведены еще несколько, поменьше размером. Принцесса оказалась у подножия холма ровно в полдень, где ее встретили лорд-камергер, канцлер, духовник и прочие важные лица ее двора. Доктор Кэй обратился к высокому собранию на латыни. Он официально представил Анну ее новым придворным. Посол двора Клевских ответил доктору Кэй от имени принцессы.

Теперь наступила очередь официального представления дам, назначенных в свиту королевы. Каждая выходила на шаг вперед, делала реверанс и удалялась. Фрейлины шли последними, и Анна приветствовала их теплой улыбкой. Она была очень им благодарна – девушки так старались помочь ей приспособиться к новой жизни!

Погода стояла холодная, и принцесса испытала огромное облегчение, когда можно было сойти с богато украшенной колесницы и удалиться вместе с дамами в шатер, где уже пылали жаровни, источающие ароматный дым.

– Ах, мои девочки! – воскликнула леди Анна, мешая немецкие и английские слова. Она сняла перчатки и отдала их Элизабет Фицджеральд. – Холодная сегодня!

– Ваша светлость, нужно говорить так – «сегодня холодно», – осторожно поправила Нисса свою госпожу.

– Да, леди Нисса, – ответила Анна с улыбкой и кивнула. – Сегодня холодно. Так лучше?

– Намного лучше, мадам, – улыбнулась в ответ Нисса.

– Принесите принцессе стул, – громко приказала Кэт Говард, и требуемое было немедленно исполнено.

Анна Клевская села поближе к жаровне, протягивая руки к теплу, и тяжело вздохнула.

– Ганс! Где ты?

Паж поспешно выступил вперед и поклонился.

– Я здесь, мадам, – ответил он на родном языке.

– Держись рядом, Ганс. Нисса – очень услужливая девушка, благослови ее Господь. Но она не так хорошо владеет нашим языком, как ей бы хотелось. Ты мне понадобишься. Где король?

– Сейчас как раз выехал из Гринвича, мадам.

Юный виконт Уиндхем встал возле сестры.

– Ты хорошо с ней ладишь, правда? – спросил он. – Но она не очень похожа на свой портрет, согласна? Я слышал, король в ярости!

– Значит, ему недостает ума, братец, – резко отрезала Нисса. – Леди Анна – очаровательная, и у нее есть чувство собственного достоинства. Из нее выйдет прекрасная королева, если, конечно, наш король и повелитель вспомнит, что ему уже под пятьдесят и что сам он не такой уж завидный жених. Он должен дать ей шанс! Он найдет в ней доброго друга. И она станет хорошей матерью.

– Бога ради, сестрица, никому не говори того, что сейчас сказала мне, – вполголоса сказал юный виконт Уиндхем. – Если это еще не предательство, то недалеко от него. Однако, – с лукавой улыбкой добавил он, – голову тебе вряд ли отрубят, просто отошлют домой с позором. И кто тогда захочет на тебе жениться, леди Нисса?

– Я выйду замуж только по любви, Филипп!

– А я слишком молод, чтобы влюбляться, – сказал он, – и слава богу! Мастер Калпепер, который приходится кузеном госпоже Говард, сходит по ней с ума. Когда король примерял свадебный наряд, он предложил Калпеперу отрез бархата на камзол. И, как мне говорили, он стал умолять короля подарить ему еще один, чтобы он мог передарить его госпоже Говард. То платье, которое на ней сегодня, как раз сшито из того бархата. Дурень мог бы приберечь второй отрез и сшить себе еще один камзол, ведь он беден, как церковная мышь. Такова любовь. Вот глупость-то!

– А я думаю, что это очень романтично, – с улыбкой возразила Нисса, и в этот момент принцесса произнесла имя их младшего брата. Появился Джайлз и поднес госпоже кубок горячего вина, приправленного пряностями. – Кажется, ей очень нравится Джайлз, – заметила Нисса.

– Да, – согласился Филипп. – Малец, кажется, прирожденный придворный. И при этом никакого высокомерия или чванства!

Брат с сестрой с улыбкой наблюдали, как принцесса ласково ущипнула розовую щечку их младшенького. В их семье только у Джайлза были светлые волосы, да еще голубые глаза – настоящий херувим. Было ясно, что принцесса Клевская обожает мальчика – к его большому смущению. Однако Джайлз, будучи очень сообразительным пареньком, не выказывал своей хозяйке ни малейшего недовольствия. Он лишь слегка поморщился и прошептал:

– Мадам...

Тут перевода не требовалось, и принцесса рассмеялась, сказав на родном языке Гансу:

– Он просто ангел. Я не могу удержаться!

Ганс перевел. Фрейлины дружно захихикали, а Джайлз густо покраснел. Кэт Говард послала ему воздушный поцелуй, а хорошенькая Элизабет Фицджеральд подмигнула. От дальнейших мучений его избавил доктор Кэй, духовник королевы, который явился возвестить, что король уже близко.

– Ее светлости надлежит сменить платье для церемонии приветствия короля, – сказала леди Брауни. – Идемте, девушки, нечего бездельничать. Принесите принцессе платье и драгоценности.

Платье было из красной тафты с объемной золотой вышивкой. Сшито оно было по немецкой моде, с широкой круглой юбкой и без шлейфа, но смотрелось тем не менее весьма изысканно и красиво. Руки, грудь и спину Анны протерли губкой, смоченной в теплой розовой воде. От принцессы Клевской исходил природный запах более резкий, чем обычно бывает у человеческого тела, и поэтому дамы, зная, насколько привередлив король, прилагали все усилия, чтобы замаскировать этот недостаток. После того, как на принцессу надели платье, Нисса принесла прекрасный комплект украшений из рубинов и алмазов – ожерелье и серьги-подвески. Густые светлые волосы принцессы убрали под сетку и на голову надели бархатную шапочку, расшитую великолепными жемчужинами.

– Король уже близко, – возвестила Кейт Кэри.

Принцессу сопроводили к выходу, и она сощурилась от яркого солнца после сумрачного шатра. Ей помогли сесть на белоснежную лошадь под парчовой попоной и седлом из прекрасно выделанной белой кожи. Ее личные лакеи также вскочили на коней, на них красовались ливреи с черным львом – эмблемой дома Клевских. Возглавлял процессию юный Ганс фон Графштейн со знаменем в руках – также с изображением черного льва.

Итак, Анна выехала навстречу будущему супругу, и король, заметив ее приближение, остановился и стал ждать. Когда она поравнялась с ним, Генрих галантно сдернул с головы шляпу и ослепительно улыбнулся, и в этот момент Анна Клевская увидела его таким, каким он когда-то был: самым красивым принцем христианского мира! Она улыбнулась ему в ответ, пока Ганс переводил официальные слова приветствия. И Анна вдруг с удивлением осознала, что некоторые из этих слов ей уже понятны.

– Ганс, я буду приветствовать его величество сначала по-английски, а потом ты можешь снова переводить, – велела она.

– Да, мадам.

– Я благодарю его величество за теплый прием, – сказала Анна. – Я постараюсь быть ему хорошей женой и хорошей матерью его детям.

Король слегка приподнял бровь. У принцессы был сильный акцент, но понимать ее можно было без труда.

– Мне сказали, что принцесса Клевская говорит только на родном языке, – заметил он, ни к кому особо не обращаясь.

– Ваше величество, ее высочество очень старается овладеть вашим языком, – пояснил Ганс. – Ее обучает леди Нисса Уиндхем, и другие девушки тоже. Принцесса очень хочет вам угодить, ваше королевское величество!

– В самом деле? – сухо переспросил король. Затем, вспомнив о собравшейся вокруг веселой толпе, наклонился вперед и под восторженные крики обнял наконец невесту.

Потом были улыбки, приветственные взмахи рук – и жених с невестой направились назад в шатер; впереди шли трубачи, а замыкали шествие члены Тайного совета, архиепископ и знатные лорды Англии и герцогства Клеве.

– Фламандская кобыла, – бормотал себе под нос король. – Меня женят на фламандской кобыле.

Перед входом в шатер королевская чета осушила любовный кубок, после чего принцессу усадили в украшенную резьбой и позолотой колесницу, чтобы ехать наконец в Гринвич. Вместе с ней сели матушка Леве – ранее няня Анны, а теперь главная фрейлина из Клеве – и супруга посла графиня Оверштейн. На бортах колесницы были вырезаны герцогский герб и черный лев Клеве. За каретой Анны следовали куда более скромные открытые кареты с дамами из свиты будущей королевы и все ее личные слуги. Был тут и пустой паланкин, драпированный малиновым бархатом и золотыми кистями – подарок Генриха будущей жене. Впереди процессии на одинаковых могучих гнедых жеребцах ехали слуги дома Клевских, все в черном бархате и серебре.

На всем пути следования процессию встречали толпы жителей Лондона. А там, где дорога шла вдоль реки, Темза была запружена баржами, лодками и всевозможными плавучими средствами – некоторые держались на воде каким-то чудом. Лодки были переполнены желающими взглянуть на новую королеву Англии. Каждая гильдия Лондона пригнала свою баржу со свежеекрашенными бортами и украшениями в виде гербов короля Англии и герцогства Клеве. На баржах стояли менестрели, и дети хором распевали хвалебные песни в честь короля и принцессы. Так Англия радовалась приезду принцессы! Король и его невеста даже сделали остановку, чтобы послушать пение и горячо поблагодарить за чудесное представление.

Когда Анна очутилась во внутреннем дворе Гринвичского дворца, прогреготал салют – на башне стреляли пушки. Король поцеловал невесту, вступающую в свой новый дом. В

большом зале выстроилась королевская гвардия, склоненными копьями приветствующая проход жениха и невесты. Генрих повел Анну в отведенные ей покои, где она могла отдохнуть до вечера. А вечером их ждал большой пир.

Анна, невозмутимая и царственная для сторонних наблюдателей, была тем не менее поражена теплым и искренним приемом, который оказали ей англичане.

– Они хорошие люди, Ганс, правда? – в третий или четвертый раз повторила она. – Но король, несмотря на все его учтивые манеры и показное расположение, не питает ко мне нежных чувств!

– Разве вы можете знать наверняка, мадам? – спросил мальчик.

Анна печально улыбнулась.

– Ганс, у меня нет опыта в любовных делах. Однако я достаточно изучила мужчин, чтобы с уверенностью сказать – если мужчина не смотрит тебе прямо в глаза, значит, что-то не так. Живописец Гольбейн изобразил меня не такой, какая я есть. Король влюбился в гольбейновский портрет, а я... Нет, я ему не нравлюсь. Он женится на мне по политическим соображениям, вот и все. Если бы не его горячее желание щелкнуть по носу короля Франции и правителя Священной Римской империи, мне бы ни за что не стать королевой Англии.

Генрих Тюдор был бы весьма удивлен, если бы узнал, о чем думает Анна Клевская. Предстоящий брак внушал ему отвращение и уныние. Принцесса нисколько не походила на тот образ, что сложился в его воображении. Да и себя он видел не так, как видели его со стороны. В сердце своем и уме он по-прежнему был юным, прекрасным и полным сил. После пира Генрих снова вызвал к себе Кромвеля, однако тот лишь вздыхал и пытался доказать королю, что невеста не так плоха.

– Ваше величество, это такая царственная особа. И народу она понравилась, – увещевал он короля.

– Неужели законники ничего не нашли? – вопрошал король, не обращая внимания на слова министра.

Кромвель покачал головой. Он начал всерьез беспокоиться за свою шкуру и богатства, которые терпеливо собирал за годы служения Англии. Он то и дело вспоминал своего бывшего хозяина, кардинала Уолси. Кардинал не сумел справиться с «Великим Делом» короля, то есть добиться согласия принцессы Арагонской на развод, – и за это поплатился жизнью. Ему бы непременно отрубили голову, не умри он на пути в изгнание!

Чтобы умиротворить Генриха, Уолси пошел на крайние меры – он преподнес ему роскошный дворец Хэмптон-Корт, но даже столь щедрый дар не смягчил королевского гнева! И вот теперь – снова это выражение в глазах Генриха Тюдора, но на сей раз молнии грозили обрушиться на голову Томаса Кромвеля, и впервые в жизни хитрый министр не знал, что делать. Там, где дело касалось мести, король умел выжидать. Уж лучше быстрая казнь, думал Кромвель.

Король отправился к себе в спальню, разогнав придворных джентльменов, к их же пользе, подальше от монаршего гнева. Плеснув себе щедрую порцию красного вина, он начал цедить его медленными глотками, все больше наливаясь злостью.

– Ты точно лев с занозой в лапе, Хэл, – тихо произнес Уилл Сомерс, его шут, опускаясь на пол возле колена короля. В стиге его руки прикорнула Марго, обезьянка со сморщенным личиком. Она была уже очень стара и успела облысеть. Темный мех испещряли полосы седых волосков. Она тихо прошептала что-то и поглядела в лицо Уиллу, ища поддержки.

– Убери эту образину подальше от меня, – проворчал король.

– У нее почти не осталось зубов, Хэл, – сказал шут, ласково поглаживая обезьянку.

– Ей хватит и одного, чтобы ухватить меня за палец, – буркнул Генрих и тяжело вздохнул. – Меня жестоко обманули, Уилл!

Уилл Сомерс не стал лукавить.

– Да, Хэл, я признаю – она не похожа на свой портрет. Есть приблизительное сходство, и все. Однако она кажется достойной леди. И сразу видно – особа королевской крови!

– Ах, если бы был способ отделаться от этого брака! Я бы ухватился за него обеими руками, – продолжал король. – Фламандская кобыла! Чертова громадина!

– Да, леди Анна выше ростом, чем ты привык. Но, возможно, тебе даже понравится, когда женские глаза будут на уровне твоих. Да, у нее широкая кость, но она не толстуха. И не следует забывать, Хэл, что и ты далеко не в расцвете юных лет. Думаю, тебе повезло найти столь приятную принцессу в жены!

– Дело зашло слишком далеко, иначе отправил бы ее домой, – мрачно заметил Генрих.

– Нет, Хэл, это не в твоём духе, – укоризненно сказал шут. – Ты всегда был учтивейшим и благороднейшим из рыцарей. Я всегда гордился тем, что служу тебе. Но что будет с моей гордостью, если ты оскорбишь бедную принцессу, которая не сделала тебе ничего плохого? Ее родина так далеко, а сердце так одиноко! И кто возьмет ее в жены после того, как ты отправишь ее домой? Как вынести такой позор? Кроме того, ее брат, герцог Вильгельм, будет вынужден объявить тебе войну. Франция и Рим будут смеяться до колик!

– Уилл, Уилл, – жалобно протянул король. – Ты единственный говоришь мне правду! Надо было посылать в Клеве тебя, но разве смог бы я обойтись без твоей компании? – Он снова печально вздохнул и, залпом осушив бокал, тяжело встал на ноги. – Помоги мне добраться до постели, шут, и посиди со мной. Вспомним старые счастливые времена. Помнишь Блейз Уиндхем? Мою милую сельскую затворницу?

– Да, Хэл, я хорошо ее помню. Красивая и добрая леди. – Уилл Сомерс услужливо подставил королю плечо и подвел к постели. Король лег, а слуга и его обезьяна устроились в ногах постели.

– Сейчас при дворе живет ее дочь, Уилл! Милая девушка, но совсем не похожая на мать. Леди Нисса Уиндхем – дикая английская роза. Она фрейлина принцессы Клевской. Ее мать просила меня дать ей место.

– Которая из фрейлин? – спросил шут. – Я знаю малышку Кейт Кэри, Бесси Фицджеральд и обеих сестричек Бассет. И есть две, которых я не знаю. Девушка Каштановые Кудряшки и темноволосая красотка.

– Нисса и есть темноволосая. Однако она унаследовала глаза матери. Вторая девушка – это Кэтрин Говард, племянница Норфолка. – Король усмехнулся. – Каштановые Кудряшки! Очень меткое прозвище, Уилл, потому что у девушки Говард действительно очаровательные локоны. Очень хорошенькая, не правда ли? Богом клянусь, любая из этих девиц подошла бы мне куда больше, чем принцесса Клевская. Зачем я слушал Кромвеля? Нужно было поглядеть по сторонам и выбрать в жены англичанку. Разве моя дорогая Джейн не была прекраснейшей английской розой с доброго куста?

– О-о, Хэл, неужели ты утратил вкус к новизне? – осторожно поддел король шут. – Кажется, у тебя еще не было немки? По крайней мере, за то время, что я тебя знаю. Или была немка до того, как я пришел к тебе на службу? Скажи, Хэл, правда ли то, что говорят о немках?

– А что о них говорят? – насторожился король.

– Я не знаю, – тихо засмеялся шут. – У меня-то ни разу не было немки!

– И у меня не будет. Боюсь, что не смогу заставить себя с ней лечь. Святая кровь, мне следовало жениться на Кристине Датской или Марии де Гиз вместо этой фламандской кобылы!

– Хэл, – строго произнес шут, – очень удобно устроена твоя память! Мария де Гиз так хотела за тебя замуж, что со всех ног бросилась под венец с Джеймсом, королем шотландским, едва прослышав, что ты подыскиваешь себе жену! Видимо, она предпочитает шотландское лето английскому. А что до прекрасной Кристины, так она сообщила твоему послу, что имей она две головы, одну непременно отдала бы тебе. Но, поскольку голова всего одна, она предпочитает еще годик-другой оплакивать усопшего супруга. Когда-то ты был завидным женихом, Хэл, но

теперь это уже не так! И дамы всей Европы наслышаны о том, как ты поступил с предыдущими женами. Тебе повезло, что ты нашел принцессу Клевскую. Но вот я не уверен, повезло ли ей с тобой?...

– Ты ступаешь на опасную почву, шут, – тихо сказал король.

– Я говорю тебе правду, чего не сделают твои приближенные, ибо они боятся тебя, Генрих Тюдор!

– А ты не боишься?

– Нет, Хэл. Я видел тебя голым и знаю, что ты всего лишь человек, как и я. Просто Хэлу выпало родиться королем, а Уиллу – дураком, но ведь могло быть наоборот...

– Ты думаешь, что я дурак, если позволил другим выбирать мне жену. Но теперь ничем уже дело не исправить, правда, Уилл?

Уилл Сомерс помотал седеющей головой.

– Ищи выгоды от своего положения, Хэл. Леди Анна может тебя удивить. – Он легко вскочил с постели и накрыл короля меховым одеялом. Обезьянка Марго цеплялась за его шею. – Засыпай! Тебе надо поспать, Хэл, да и мне тоже. Мы с тобой уже не так молоды, а следующие несколько дней будут сплошь речи, церемонии, тяжелая еда и вино рекой. Ты ничего не делаешь наполовину. Значит, переешь и перепьешь нас всех, последствия чего выйдут тебе боком...

Король сонно усмехнулся:

– Наверное, ты прав, Уилл.

Шут сидел неподвижно, пока король не захрапел. Тогда он тихо вышел из спальни, сообщив ожидающим за дверью придворным, что Генрих Тюдор, к всеобщему облегчению, наконец заснул.

Глава 4

Шестого января выдалось страшно морозным. Слабое солнце едва светило с небес цвета перламутра. С Темзы дул колючий ветер. К шести часам король уже проснулся, но еще с полчаса просто лежал под одеялом. Сегодня день его свадьбы, но ему ужасно хотелось, чтобы он даже не начинался. Наконец, осознав, что выбора у него нет, он вызвал своих камергеров. Они вошли в спальню, весело переговариваясь и улыбаясь, и принесли его свадебные одежды. Королю помогли встать с постели, выкупали и выбрили. Облачили в пышный наряд, в котором ему надлежало появиться на сегодняшней церемонии. Напрасные хлопоты, думал он, и глаза его были полны слез. Он еще не стар, но теперь не сможет наслаждаться прекрасной женщиной в своей постели!

Свадебный наряд короля был великолепен. Парчовый камзол оторочен роскошным соболем и вышит серебряными цветами. Плащ из алого атласа, также богато расшит, застегивался на большие круглые алмазные пуговицы. Ворот украшен золотом. Сапоги из красной кожи были скроены по новейшей моде, с узкими закругленными носами, и стягивались на лодыжке ремешком, их украшали жемчуг и алмазы. На каждом пальце короля блестело кольцо с драгоценным камнем.

– Ваше величество выглядит просто ослепительно! – воскликнул юный Томас Калпепер. Остальные придворные согласно закивали.

– Не будь это дело государственное, – перебил король, – никакая сила не заставила бы меня делать сегодня то, что я делаю!

– Кромвель – покойник, – тихо сказал Томас Говард, герцог Норфолкский.

– Я бы не был так уверен, – прошептал в ответ Чарльз Брэндон, герцог Саффолк. – Старица Кромвель – хитрый лис и способен избежать гнева короля.

– Посмотрим, – ответил герцог Норфолк и улыбнулся, что случилось с ним нечасто. Это была улыбка триумфатора.

– Что вы там замышляете, Том? – спросил герцог Саффолк. Он знал, что Томас Говард очень дружен со Стивеном Гардинером, епископом Винчестерским. Епископ поддерживал стремление короля избавиться от влияния папы римского на церковь Англии, но был непримиримым противником доктрины, предложенной архиепископом Томасом Кранмером, которого опять-таки поддерживал Кромвель.

– Вы меня переоцениваете, Чарльз, – ответил Норфолк, по-прежнему улыбаясь. – Я преданнейший из слуг короля и всегда им был.

– О нет, я вас недооцениваю, Том, – возразил Саффолк. – Иногда вы меня пугаете. Ваше честолюбие бьет через край...

– Давайте поскорее покончим с этой комедией! – рявкнул король. – Если я должен на ней жениться, то приступим к делу.

Король в сопровождении придворных прошел через весь дворец в покои принцессы Клевской. Анна спокойно дожидалась жениха. Ей тоже не хотелось вставать с постели, и она тянула, сколько могла. Когда наконец Анну вынудили подняться, потребовались долгие уговоры, чтобы она соблаговолила выкупаться в розовой воде. Строгие правила, в которых была воспитана принцесса, утверждали, что телесная чистота – это суета и грех гордыни; но тем не менее она наслаждалась купанием.

– Я буду купаться каждый день, – объявила она дамам. – Нисса Уиндхем, чем пахнет эта вода? Какой приятный аромат.

– Маслом дамасской розы, ваше высочество, – ответила Нисса.

– Мне нравится! – воскликнула принцесса, и девушки засмеялись.

Это не было насмешкой над будущей королевой; они просто радовались, что сделали счастливой свою госпожу. Все до одной знали, что король недоволен. Лишь неведение относительно английских обычаев и слабое знание языка спасли Анну от жесточайшей обиды. Король ей нравился не больше, чем она ему; однако Анна была женщиной, и у нее была собственная гордость.

Внесли ее свадебные одеяния, которые вызывали всеобщее восхищение. Платье из парчи было украшено цветочным узором из жемчужин. Скроенное по немецкой моде, оно было без шлейфа, зато с круглой широкой юбкой. На ноги Анне надели кожаные туфельки с едва заметным каблучком, чтобы хоть немного скрыть высокий рост, который столь неприятно поразил короля. Светлые волосы были распущены, что должно было символизировать девственность, а на голове красовалась изящная золотая диадема, инкрустированная драгоценными камнями. Золотые трилистники имитировали веточки розмарина, символ плодovitости. Матушка Леве надела на шею госпоже ожерелье из крупных алмазов в золотой оправе, а затем застегнула на ее тонкой талии алмазный пояс. В глазах почтенной женщины блеснули слезы. Несколько слезинок скатились на смуглую щеку, и принцесса ласково отерла их собственной царственной рукой.

– Ах, если бы мама могла видеть тебя, моя дорогая, – сказала матушка Леве.

– С ней все в порядке? – спросила Ниссу леди Брауни.

– Она грустит о том, что матери принцессы нет сейчас рядом и она не может видеть, как она выходит замуж за короля, – ответила Нисса и подумала про себя, что это хорошо, что ее здесь нет... Мать непременно увидела бы, что ее дочь внушает королю отвращение. Но, возможно, все еще изменится.

Зашел слуга с сообщением, что король готов, и невеста вышла из своих покоев. В сопровождении графини Оверштейн и мастера-распорядителя дома Клевских Анна последовала за Генрихом и свитой его придворных в королевскую часовню, где дожидался архиепископ, готовый скрепить королевский брак. Лицо Анны было безмятежно, но в душе ее царил страх. Она не нравилась Генриху Тюдору, а он не нравился ей. Тем не менее они вступали в брак из соображений выгоды. И Анна внутренне оплакивала и короля, и себя.

К алтарю ее повела графиня Оверштейн. Анна мало что поняла из того, что говорил архиепископ с добрым лицом. Но, когда Генрих Тюдор схватил ее руку и надел ей на палец тяжелое кольцо красного золота, Анна Клевская окончательно осознала, что в самом деле выходит замуж за короля Англии. Томас Кранмер совершал обряд, и Анна всматривалась в слова, которые были выгравированы на ее кольце: «Дар Божий, что беречь клянусь»! Это было единственное, что она могла делать, лишь бы не расхохотаться.

Потом она осознала, что король, сжимая ей руку, буквально тащит ее в королевскую церковь. Она едва не споткнулась, пытаясь не отстать от него, и рассердилась – зачем он позорит ее в день их свадьбы?! Как бы то ни было, она теперь его жена, что бы он себе ни думал. Усилиями воли Анна заставила себя успокоиться, терпеливо слушая мессу. Затем подали горячее вино с пряностями.

Казалось, что церемониям в этот день не будет конца. После свершения брачного обряда король удалился в личные покои, чтобы снова переодеться. На сей раз он надел камзол, отделанный красным бархатом. Его уже дожидалась процессия придворных, и новобрачные повели гостей в зал, где все было готово к свадебному пиру. После полудня королева покинула праздник на то краткое время, чтобы сменить наряд. Она выбрала платье с рукавами, присобранными на локтях. Ее фрейлины также переоделись в платья, украшенные многочисленными золотыми цепочками, как было модно в немецких государствах.

Сердце Кэт Говард переполняла благодарность к Ниссе Уиндхем. По правде говоря, у девушки не было средств, чтобы служить фрейлиной. Место дал ей дядя, герцог Томас; однако щедростью сей вельможа не отличался и предпочитал помогать, используя свое влияние, но не

золото. У Кэт было мало платьев, и ей приходилось по-разному сочетать те, что имелись. И даже так она была одета хуже прочих девушек. Она, ее сестры и трое братьев были сироты. И то немного – очень немного! – что оставил им покойный отец, предназначалось старшему брату. Поэтому перед королевской свадьбой Кэт Говард впала в отчаяние. Как она могла позволить себе новое платье, да еще щедро отделанное золотыми цепочками? Так что подарок Ниссы Уиндхем пришелся кстати.

– Пусть это будет подарок на Богоявление, двенадцатую ночь Рождества, Кэт, – сказала Нисса. – Мне дают денег больше, чем я могу потратить, даже если сошью еще одно платье. – Она пожала плечами. – Какой толк от золота, если им нельзя поделиться с подругами?

– Я не могу позволить принять такой щедрый дар, – слабо протестовала Кэт Говард, и было ясно, что чувства ее противоречили словам.

– Почему же нет? – спокойно спросила Нисса. – Неужели мне забыли сказать, что правила придворного этикета воспрещают делать подарки друзьям? Если такое правило есть, я его нарушу, потому что у меня есть подарки для вас всех!

Другие девушки тихонько засмеялись, а леди Брауни сказала:

– Нисса Уиндхем проявила исключительную щедрость, госпожа Говард! Вам повезло, что у вас появилась такая подруга. Разумеется, вы должны принять ее дар, иначе, боюсь, вас сочтут грубой и невоспитанной. И герцог Томас будет весьма раздосадован.

– В таком случае, – с лукавой улыбкой ответила Кэт Говард, – я должна его принять, что и делаю с благодарностью, Нисса Уиндхем!

Леди Брауни одобительно кивнула.

– Прекрасный поступок.

– Мне нечего предложить тебе взамен, – тихо сказала Кэт Ниссе. – Но я не забываю добра, как не забываю и обиды. Придет день, когда я смогу отплатить тебе за этот щедрый дар, потому что ты по-настоящему добра ко мне. Я бедна, как церковная мышь, однако ты ни разу не дала мне почувствовать унижение, как делают гордячки Бассет. Мне еще представится возможность отблагодарить. Обещаю тебе, Нисса, что я это сделаю!

Когда в тот день они вернулись в пиршественный зал в новых нарядах, королеву и ее фрейлин встретили громом аплодисментов. Дам и их платья просто засыпали комплиментами. Потом были танцы. Король с плохо скрытым раздражением повел Анну танцевать, но, к его величайшему удивлению, новобрачная оказалась превосходной партнершей. Уж фрейлины постарались ее обучить! Когда Генрих закружил Анну в танце и подхватил на руки, она одарила его сияющей улыбкой и засмеялась, глядя на него сверху вниз. И король вдруг решил, что, возможно, не так уж она непривлекательна, как он поначалу думал. Может быть, все образуется?

– Нисса?

Девушка обернулась. Сзади стояла Кэт Говард с... с ним!

– Это мой кузен, Вариан де Уинтер, граф Марч, – представила Кэт. – Ему не с кем танцевать. И я подумала – может быть, ты проявишь сострадание к бедняге? Ведь я знаю, как ты любишь танцевать.

Его глаза оказались зелеными. Темно-зелеными... зелеными, как воды реки Уай, когда она течет, покрытая солнечными бликами и замедляя ход на отмелях вблизи ее родного дома.

– Мадам. – Он учтиво поклонился, глядя на нее без улыбки.

– Сэр. – Нисса присела в реверансе, чувствуя, как вдоль спины ползут мурашки. Какой у него глубокий и мелодичный голос! Он ее просто завораживал. И при взгляде на его суровое, прекрасное лицо ее сердце пустилось вскачь.

– Ох, Нисса, потанцуй с Варианом, – упрасивала Кэт. А потом упорхнула в поисках кавалера для себя.

– Говорят, что вы не джентльмен, милорд. Леди Марло предупредила меня, что даже простой беседы с вами достаточно, чтобы погубить свою репутацию, – храбро начала Нисса, сумев справиться с волнением.

– И вы этому верите? – спросил он сухо, но девушка ясно различила веселые нотки в его завораживающем голосе. Тем не менее лицо графа оставалось серьезным.

– Я думаю, что леди Марло, которая является ближайшей подругой моей тети, просто сплетница, обожающая скандалы, – сообщила Нисса. – Однако скандал не возникает на пустом месте – там всегда есть зерно правды. Однако мы в общественном месте, в окружении толпы придворных. И я не вижу, каким образом вы можете меня скомпрометировать. Поэтому, милорд, если вы действительно просите меня на танец, я принимаю ваше приглашение. Отказ был бы неслыханной грубостью. – Она снова присела в реверансе.

Он взял ее руку, и Нисса почувствовала, как ее пронизал жар, идущий от его крепкой ладони. Они вступили в круг танцующих, когда веселый контрданс был уже в самом разгаре. Потом последовал второй танец. Когда музыка стихла, возле них внезапно появился Оуэн Фицджеральд.

– Дорогая Нисса, тетя хочет с тобой поговорить. – Он крепко взял ее за локоть. – С вашего позволения, милорд.

Граф Марч поклонился, и слабая усмешка тронула его губы.

– Разумеется, милорд, – сказал он спокойно, – если вы настаиваете. – Затем повернулся и исчез в толпе.

– Как вы могли! – воскликнула Нисса, топнув ножкой для пущего эффекта. – Вы поставили меня в неловкое положение в присутствии всего двора!

– Моя дорогая девочка, я нисколько не сомневаюсь, что ты сама можешь решать, как строить свою жизнь. Но твоя тетя, которую подзуживает Адела Марло, так не думает. Побереги упреки для Блiss и ее закадычной подружки.

– Хорошо, – зловещим голосом произнесла Нисса и, вырвав руку, побежала на другой конец зала, где восседали обе почтенные кумушки.

– Нисса! – начала Блiss, прежде чем девушка успела заговорить. – Разве тебя не предостерегли насчет этого человека? Счастье, что леди Марло вовремя заметила, что он танцует с тобой. Иначе не представляю, что могло бы случиться!

– Ничего не могло бы случиться, – отрезала Нисса. – Как может пострадать моя репутация в зале, битком набитом людьми? А вот вы поставили меня в глупое положение. Графу Марчу меня представила его кузина, госпожа Говард, моя подруга и одна из королевских фрейлин. В подобных обстоятельствах я вряд ли могла отказать ему в танце. Вы так не считаете?

– Мое дорогое дитя, – начала Адела Марло, – такая невинная девушка, как ты, наверное, не понимает, какой опасный человек этот лорд де Уинтер. Помни, тебя отправили ко двору, чтобы найти достойного супруга. Но ни один джентльмен из хорошей семьи не захочет взять в жены женщину сомнительной репутации. – И она улыбнулась, как ей казалось, вполне дружелюбно, однако, по мнению Ниссы, это лишь прибавило ей высокомерия.

– Мадам, – ответила она, и ее глаза налились гневом, – как вы смеете читать мне нотации на тему манер и морали? Вы лишь старше меня годами, а по рождению и по положению при дворе я гораздо выше вас. Будь я глупа, точно курица, каковой вы, по-видимому, меня считаете, тогда бы ваши советы имели некоторую ценность. Но я отнюдь не дурочка, и меня смертельно оскорбляет, что моя тетя попала под ваше влияние и забыла, что я дочь моей матери! И я умею вести себя в приличном обществе. Вы намекаете на какой-то скандал в прошлом лорда де Уинтера, но не сообщаете подробностей. А я думаю, что граф Марч – очень приятный джентльмен и прекрасный танцор. А что до моей репутации, то моя добродетель не вызывает сомнений. Если у вас есть другие соображения, выскажите их и не тяните. А если нет, то

я покорнейше просила бы вас держать в узде ваше буйное воображение и больше не вмешиваться в мою жизнь.

– Мы обязаны ей сказать! – драматически воздев руки, воскликнула Адела Марло, обращаясь к Блисс. – Иначе моя совесть не успокоится.

– Что вы обязаны мне сказать? – едва скрывая усмешку, спросила Нисса.

– Этот человек, которого вы совсем не знаете, но тем не менее продолжаете защищать, – сказала Адела, – этот человек... он известный совратитель невинных девушек! Он обольстил молодую девушку, а потом, когда она узнала, что ждет ребенка, отказался исполнить свой долг! Несчастливая покончила с собой. Ну что, моя дорогая, станете его защищать и дальше?

Нисса была шокирована и, что еще хуже, чувствовала себя обманутой. Но откуда ей было догадываться о столь ужасных вещах?

Она по-прежнему злилась на Аделу Марло, которая теперь смотрела на нее с победным видом. На ее губах змеилась торжествующая улыбка. Ниссе очень захотелось стереть эту улыбку с ее лица.

– Мадам, вы самая злобная сплетница, каких я только встречала! – резко воскликнула она. Ей было отраднo видеть, как Адела, не ожидавшая подобного отпора, втягивает голову в плечи.

– Нисса! – Даже Блисс, известная своим терпеливым и выдержанным нравом, была изумлена резкостью племянницы. – Ты сию же минуту должна извиниться перед леди Марло!

– А я думаю, что это леди Марло следует извиниться передо мной, – отрезала Нисса. – И вы тоже, тетя Блисс!

Она развернулась на каблуках и бросилась на поиски подруг, ее сердце громко стучало в груди. Конечно, она отнюдь не была влюблена в лорда де Уинтера, потому что до сей минуты почти ничего о нем не знала. Отвратительно, однако, что тетя и леди Марло помыкают ею так, будто она несмышленное дитя. А ей уже семнадцать!

Адела Марло пришла в себя не сразу. Губы ее побелели.

– Это первый раз в жизни, когда со мной разговаривают в подобном тоне! – Она даже задыхалась от возмущения. – Будь девица на моем попечении, я бы высекла ее до крови, а затем отправила назад к родителям. Она совершенно отбилась от рук, и ее ждет дурной конец. Помяни мои слова, Блисс!

– Согласна, Адела, Нисса тебе нагубила. Но ты сама настаивала, чтобы я следила за каждым ее шагом. Однако Нисса не из таких девушек. Она умна и быстро усвоила законы придворной жизни. Она знает, что поставлено на кон, и не допустит, чтобы ее скомпрометировали. Кроме того, она любит наше новую королеву и счастлива ей служить.

– Полагаю, ее существенное приданое перекричит любое злословие, – раздраженно ответила Адела Марло.

Королю и королеве пришла пора отправиться в спальню.

– Ночь длиною в пятнадцать часов, – ворчал Генрих. – В следующий раз, когда мне вздумается жениться на уродине, я устрою свадьбу в канун праздника середины лета – самая короткая ночь в году; не то что долгая зимняя ночь!

– В следующий раз, когда он женится... – многозначительно прошептал Кромвель герцог Норфолк.

– Ночь только начинается, – ответил Кромвель. – К рассвету, милорд, король, возможно, станет счастливейшим мужчиной на земле.

И он улыбнулся с уверенностью, которой на самом деле у него не было. Герцог улыбнулся в ответ с видом человека, сознающего свое превосходство. Томас Кромвель терзался дурными предчувствиями, и по его спине полз ледяной озноб. Что задумал герцог?

Фрейлины помогали королеве снять свадебное облачение и бегали туда-сюда, принося одно и унося другое. Анна была женщиной высокой и с широкой костью, но у нее были стройные ноги и руки, тонкая талия, маленькие груди в форме груши, которые совершенно не вязались с ее пропорциями и статью. Дамы, которые помогали ей раздеваться, лишь в отчаянии качали головами и переглядывались. На королеву надели простую ночную сорочку из белого шелка и тщательно расчесали густые белокурые волосы – они очень украшали королеву.

Матушка Леве, старая няня королевы, зашептала Анне на родном языке:

– Дитя мое, и что ты станешь делать с этим медведем, твоим супругом? Мы обе знаем, что ты ему не нравишься – спасибо юному Гансу, который слушает, что болтают в его присутствии глупцы, которые не обращают на него внимания, потому что он всего лишь мальчик! Знаю, что мама не рассказывала о том, что происходит между мужчиной и женщиной. Но я тебя просветила. Так попытайся его завоевать, девочка! Я так боюсь за тебя...

– Не стоит, – заверила Анна. – Я пока не знаю, что стану делать. Все зависит от моего супруга, короля. Возможно, он станет добрее ко мне, если я дам ему предлог для аннулирования нашего брака. Уверена, если бы он нашел повод разорвать помолвку и избежать сегоднешнего бракосочетания, он бы так и сделал. Мне говорили, что король не из тех, кто готов терпеть, если кто-то идет против его воли. Мы только что поженились. У него нет причины требовать развода, однако он мечтает от меня избавиться. Если я не предоставлю ему такую причину, он, чего доброго, убьет меня! Матушка Леве, я приехала в Англию не для того, чтобы лишиться головы, но чтобы получить свободу и не терпеть скуку, которая царит в доме моего брата! – Улыбнувшись, Анна погладила руку своей верной служанки. – Молись, чтобы я приняла верное решение.

Из передней донеслись звуки шумного веселья. Дверь спальни распахнулась. Дамы присели в реверансе. Король, в бархатном халате и ночном колпаке, с видимой неохотой вошел в спальню в сопровождении своих приближенных и архиепископа. Не говоря ни слова, король забрался на кровать и лег рядом с королевой. Архиепископ прочел молитву, чтобы брак был счастливым, а потомство – многочисленным.

Когда он закончил, король крикнул:

– Вон отсюда! Я хочу покончить с этим поскорее. Вон! Все вон!

Придворные, дамы и джентльмены, покинули спальню, усмехаясь и лукаво переглядываясь. Дверь за ними закрылась со зловещим стуком.

Жених и невеста молча бок о бок сидели в кровати. Наконец Генрих повернулся и посмотрел на свою королеву, чуть не вздрогнув от отвращения. Не то чтобы она действительно была уродлива – нет! Но черты лица были куда грубее, чем изобразил на портрете Гольбейн. И она была такая высокая и большая, особенно в сравнении с Катериной, первой Анной и его милой Джейн. Однако в глазах светился ум, и сейчас они смотрели на него с настороженностью. Уж лучше поскорее закончить дело. Протянув руку, он накрутил на палец прядь ее золотистых волос. Они были мягкие, и это ему понравилось. Хоть что-то в этой женщине ему пришлось по душе!

– Я вам не нравлюсь, – внезапно сказала Анна, в напряженном молчании ее голос звенел.

Удивленный король не ответил. Интересно, что еще она ему скажет?

– Вы бы... не женился на мне, но вы не нашли... нашли... ах! Я не знаю слово! – У нее был сильный акцент, но он отлично ее понял.

– Предлог, – осторожно подсказал он.

– Да! Вы не найти предлог, чтобы... чтобы...

– Отвергнуть, – снова подсказал Генрих.

– Да! Меня отвергнуть! – торжествующе воскликнула она. – Если я дать вам предлог, вы позволить мне остаться в Англии, Хендрик?

Король был поражен. Она пробыла в Англии всего одиннадцать дней, но уже изъяснялась по-английски, что ясно свидетельствовало о ее уме. А еще – она быстро разобралась в том, что его терзало. Не совершает ли он ошибку? Нет. Он никогда не полюбит эту женщину. Он не может ее полюбить. Не может – даже ради спасения Англии.

– Что за предлог? – требовательно спросил он, испытующе сощуривая голубые глаза. – Он должен быть надежным и понятным, Энни. Говорят, что у меня и так дурная репутация... в том, как я обращаюсь со своими женами. Но это неправда. Они не понимают.

Король говорил очень медленно, чтобы она могла хотя бы отчасти понимать его слова. Но, похоже, его новобрачная понимала куда больше, чем могла сказать. Анна громко рассмеялась, и он увидел, что у нее крупные зубы.

– Я хорошо понимаю Хендрик. Мы не делаем любви, и вы получить предлог. Да?

Как умно и просто, подумал Генрих Тюдор. А потом понял, что нужно сделать так, чтобы отказ исходил от него, а не от нее. В любом случае он будет в дурацком положении. Но, если возложить вину на непривлекательность ее особы, над ним хотя бы не станут смеяться. Анна должна это понимать.

– Нам нужен Ганс, чтобы это обсудить, – сказал он, – но не сегодня. Завтра. В тайне. Да?

– Да! – кивнула она и спрыгнула с кровати. – Мы играть карты, Хендрик?

Генрих Тюдор рассмеялся.

– Да! – ответил он по-немецки. – Мы будем играть в карты, Энни.

Он не хотел эту женщину в жены. Не взял бы и в любовницы. Однако у него было такое ощущение, что она станет его добрым другом.

На следующее утро король встал рано. Игра в карты закончилась далеко за полночь, и его фламандская кобыла обыграла его вчистую. В любое другое время он мог бы разгневаться, но очень уж легко и хорошо было ему в компании королевы! Пройдя потайным коридором в собственную спальню, король с кислым видом приветствовал ожидающих его придворных. Это было частью плана, который начал складываться в его голове прошлой ночью. Нужно было разыгрывать разочарование с самого начала. Иначе ему не поверят.

Кромвель встретил короля по пути к мессе.

– И что теперь ваше величество думает о королеве? – вполголоса спросил он. – Уверен, вы провели приятную ночь!

– Нет, Кром, моя ночь не была приятной. Она была неприятной! Я оставил королеву девицей, как она была до встречи со мной. Даже ради спасения собственной жизни я не могу скрепить этот брак соитием, хотя, признаюсь, видел сладострастные сны. И страсть изверглась из меня по крайней мере дважды, но я отнюдь не счастлив, Кром!

– Наверное, ваше величество утомили пышные церемонии, волнение вчерашнего дня, – робко предположил Кромвель. – Вы отдохнете, и следующей ночью все получится.

– Я не устал! – отрезал король. – Дайте мне другую бабу, и я охотно совершу плотский акт. Но не эту! Она мне отвратительна, Кром! Ты меня понимаешь?

Да, Кромвель понял все. Не найдя способа отделаться от ненавистного брака прежде, чем он будет заключен официально, Генрих Тюдор не оставил намерения освободиться от нежеланной супруги. Он, Кромвель, завлек короля в ловушку и теперь знал наверняка, что его жизнь висит на волоске. Если только он не поможет королю выпутаться из трудного положения с наименьшим уроном его чести...

Но, когда король лично сообщил всем влиятельным придворным о своей неспособности скрепить брак с королевой плотским актом, спокойствие духа покинуло Кромвеля безвозвратно. Когда же Генрих Тюдор заговорил с личным медиком, доктором Баттом, Кромвель почувствовал, что душа его уходит в пятки, а голова идет кругом. В другом конце зала злобно улыбался герцог Норфолк.

На одиннадцатое января был назначен турнир в честь королевы, хотя при дворе все терялись в догадках, зачем это нужно. Генрих Тюдор не делал тайны из своего разочарования в этом браке. Анна, напротив, была само очарование и держалась с исключительным достоинством. Ее английский день ото дня становился лучше, и в день турнира она облачилась в английское, сшитое по последнему слову лондонской моды платье с восхитительным французским капюшоном. Простолюдины были в восторге, как и многие из придворных, несмотря на чувства короля. Но сильные мира сего пришли бы в неописуемое изумление, зная они, какой план вынашивала новоиспеченная королева, чтобы король мог получить свободу.

На следующий день после свадьбы королева позвала Ганса в свою спальню, куда через потайной ход пришел также и король. Там между Генрихом и Анной был заключен договор; Ганс выступал переводчиком, так что недоразумений между сторонами быть не могло. Генрих и Анна не станут доводить до конца уже заключенный брак. Генрих возложит вину за неспособность спать с супругой на ее непривлекательную внешность. Анне, в свою очередь, надлежало делать вид, что между нею и супругом все хорошо. Уже прошел слух, что союз между королем Франции и императором Священной Римской империи дал трещину. В таком случае очень скоро благорасположение герцогства Клеве англичанам больше не потребуется. Когда слух станет фактом, король потребует аннулировать брак по причине своей неспособности его консуммировать. Разумеется, его требование будет удовлетворено.

За это Анна Клевская получит два дома по своему выбору. Поскольку в Англии она совсем недавно, ей придется объехать королевские резиденции и сделать выбор. Король положит ей щедрое содержание, и она будет именоваться ее сестрой. Старшинством при дворе она будет уступать лишь новой королеве. И она должна заверить брата, что перемена статуса ее всецело устраивает и что с ней хорошо обращаются.

Этот тайный договор устраивал и Генриха Тюдора, и Анну Клевскую. Оставалось лишь выждать момент. И все-таки Генриха снедало любопытство, почему его невеста решила от него отказаться? Может быть, она не девственница и боялась, что он об этом узнает? Генриха передернуло. Его любопытства явно не хватило бы, чтобы убедиться в этом лично. Или, быть может, Анна опасалась за свою судьбу, на тот случай, если она не проявит благоразумия? Король нахмурился. Он совершенно правильно поступил и с принцессой Арагонской, и этой ведьмой, первой Анной. Никто не может его обвинять! Хотя некоторые пытались...

Генрих Тюдор сверлил взглядом Анну, молча вопрошая о причине подобной уступчивости. Почему она так легко согласилась? Внезапно ему захотелось спросить, что она чувствует на самом деле? Разумеется, она ему не признается, но и лгать не станет – в этом он был уверен. Эта женщина была слишком умна. Генрих встряхнулся, как большая собака, пришедшая с дождя. Первая Анна была умна, и ее дочь, крошка Бесс, уже выказывала признаки того, что и ей достался этот ум. Боже, избавь его от умных женщин! Лучше всего остаться в одиночестве и радоваться, что Анна, его супруга из дома Клевских, обладает и рассудительностью, и умеренностью темперамента. И мысли короля приняли более приятное направление.

На двадцать седьмое января король устроил большой пир в честь придворных, которые приехали с Анной из Клеве. Им всем предстояло вернуться домой, увозя многочисленные подарки и пожелания счастья от королевской четы. При Анне оставались только Хельга фон Графштейн и Мария фон Хессельдорф. С госпожой оставались также матушка Лева, ее старая нянька, и юный Ганс фон Графштейн. К величайшему разочарованию леди Брауни, король самолично сообщил ей, что Анне хватит и восьми фрейлин. Больше никто не требовался.

Третьего февраля были отданы распоряжения о приеме в честь королевы в Лондоне. Если кому-то могло показаться странным, отчего король до сих пор не подумал о коронации Анны Клевской, то они держали язык за зубами. На следующий день королевская баржа спустилась вниз по реке, от Гринвича до Вестминстера. Когда они миновали башню, выстрелили пушки.

Вдоль обоих берегов реки выстроились ликующие горожане. За королевской баржей следовали суда, заполненные придворными и представителями лондонских гильдий.

Анна была тронута радостью своих новых подданных. Она даже пожалела, что так недолго будет их королевой. Но если Генрих Тюдор не желал брать ее в жены, то и ей не хотелось, чтобы он стал ее мужем. Другом – да. Король будет очень хорошим другом, но мужем – никогда. И все же, приличия ради, когда королевская баржа причалила в Вестминстере, Генрих и Анна шествовали во дворец рука об руку. Во дворце Уайтхолл им предстояло провести ночь.

Во время пребывания во дворце Уайтхолл граф Марч искал встречи с Ниссой. Но неприличные сплетни, ходившие на его счет, заставили девушку принять меры предосторожности. Охраняя свою репутацию, она старательно избегала общества графа.

– Мой долг в отношении королевы почти не оставляет мне времени для себя, милорд, – твердо заявила она, когда граф пригласил на прогулку верхом. – И когда у меня бывает свободная минута, я предпочитаю побыть со своими родными.

Вариан де Уинтер получил отказ, но поклялся, что снова попытается завоевать расположение Ниссы, когда представится более благоприятный момент.

Незадолго до этого дамы из свиты королевы окончательно поняли, что их госпожа лишь номинально является женой короля и что по-другому уже не будет. Анна, разыгрывая свою роль, изображала святую простоту. При дворе, где процветали интриги, сексуальная распущенность и супружеская неверность, казалось невероятным, чтобы королева оставалась самой невинностью и наивностью, однако она казалась именно такой. Как-то зимним вечером, сидя с дамами, Анна стала рассказывать, как нежен с ней Генрих.

– Каждый вечер, ложась в постель, он дарит мне нежный поцелуй и говорит: «Доброй ночи, любимая!» А покидая меня утром, целует снова со словами: «До свидания, любимая». Ну разве он не лучший из мужей? Бесси, дитя мое, принеси мне, пожалуйста, стакан мальвазии.

Дамы были поражены. Наконец, выждав несколько долгих минут, леди Эджкомб с улыбкой сказала:

– Мы надеемся, что ваше величество вскорости понесет. Вся страна возрадуется, когда в придачу к принцу Эдуарду в королевской детской появится еще и герцог Йоркский.

– Я пока что не жду ребенка, – весело сообщила королева, принимая кубок мальвазии из рук Элизабет Фицджеральд. – Благодарю тебя, Бесси!

– Наверное, ваше величество все еще девица, – дерзко предположила леди Эджкомб, и прочие дамы даже побледнели – что за выходка! Они понимали, что леди Эджкомб не осмелилась бы сказать такое другой даме. Но королева была неизменно добра и так мягкосердечна, что редко обижалась.

– Как же я могу спать с моим Хендриком каждую ночь и оставаться девицей, леди Уинифрид? – она усмехнулась. – Вы шутница.

– Чтобы быть настоящей женой, требуется кое-что еще, мадам, – мягко настаивала леди Эджкомб. – Есть ли это «кое-что еще»?

Королева медленно покачала головой:

– Но я рада тому, что есть. Хендрик – очень хороший супруг.

Вот оно, подумала Анна. Благодаря любопытной леди Эджкомб я подтвердила слова короля о том, что наш брак не консуммирован. Королева встала и заявила:

– Дамы, я хотела бы отдохнуть. Все свободны кроме Ниссы Уиндхем, которая останется и поможет мне переодеться.

Она поднялась с кресла и не спеша направилась в спальню в сопровождении Ниссы.

– Бедняжка! – воскликнула герцогиня Ричмондская. – Она искренне не понимает. Как жаль, что она не нравится королю. Хотела бы я, однако, знать, что с ней будет. Разумеется, король не посмеет обвинить ее в супружеской измене, как предыдущую Анну, или объявить кровной родственницей, как было с первой королевой.

– Наверное, брак просто аннулируют, – предположила маркиза Дорсетская. – Какой еще предлог можно найти?

Нисса плотно затворила за собой дверь королевской спальни. Взглянула на королеву, на лице которой застыла странная гримаса, и сочувственно сказала:

– Мадам, не позволяйте им насмехаться над вами!

К удивлению Ниссы, Анна рассмеялась, а затем, взяв себя в руки, объяснила:

– Нисса, я хочу кое-что тебе рассказать, но это великая тайна. Если ты думаешь, что не сумеешь ее сохранить, тогда скажи сейчас, и я ничего не скажу. Однако я хотела бы поделиться с тобой! Остальные дамы, они мне не подруги. Думают, что они такие важные! А девушки-фрейлины еще слишком молоды. Мне нужна подруга, Нисса Уиндхем! Да! Даже королева нуждается в подругах. Ганс мне друг, но он всего лишь мальчик, хотя и очень ответственный и разумный. Мне хотелось бы иметь подругу, чтобы обсуждать женские дела.

Подойдя к королеве, которая сидела возле камина, Нисса опустилась перед нею на колени:

– Я горжусь тем, что вам служу, дорогая госпожа, и я сохраню вашу тайну. Почту за честь быть подругой королеве!

– Я недолго буду твоей королевой.

– Ох, мадам! – воскликнула Нисса. Признание королевы ее очень огорчило. – Умоляю, не говорите так!

– Послушай меня, Нисса Уиндхем! Хендрик Тюдор меня не любит. Я поняла это с нашей первой встречи. Король бы не женился на мне, если бы нашел способ разорвать помолвку, но он не смог его найти. В ночь нашей свадьбы мы с королем заключили соглашение. Он не станет конsummировать наш брак и объявит, что моя персона ему отвратительна. А я, когда придет время, не стану возражать, что брак аннулируют. Сегодня эта глупая и злая, но очень любопытная леди Эджкомб дала мне возможность подтвердить обвинения короля.

– Но его высочество так учтив, – сказала смущенная Нисса. До нее доходили слухи, но она старалась не обращать внимания на то, что болтают досужие языки.

– Хендрик не может принять меня в качестве жены, Нисса. Но как друг... да, это совсем другое дело. Каждую ночь, когда он приходит ко мне в спальню, мы играем в карты. Я обычно выигрываю, потому что он не очень умен, бедный Хендрик. Мне странно, что люди так боятся его.

– Ох, мадам, его есть за что бояться! Он любезен с вами, потому что вы идете навстречу его желаниям. Но, если пойти ему наперекор, он превратится в сущего зверя. Не делайте такой ошибки. Король может быть очень опасен.

– Мне говорили, что твоя мать была его любовницей, – сказала королева.

– Всего несколько месяцев, пока он не полюбил первую королеву Анну. Мама как раз овдовела, и графиня Марвудская, моя тетя, привезла ее ко двору, чтобы помочь справиться с горем. Мама понравилась королю с первого взгляда, но предпочитала прятаться за траурными одеждами. Она очень боялась Генриха и не знала другого мужчины, кроме моего отца. Но король заявил, что на Майский День она будет принадлежать ему. Мама хотела сбежать, но не смогла, потому что король пригрозил, что отнимет у нее меня.

Удивленная королева широко распахнула свои голубые глаза.

– Значит, – медленно произнесла она, – Генрих может быть жестоким, когда захочет.

– Увы, мадам, так и есть, – тихо ответила Нисса.

– Итак, на Майский День твоя мама стала его любовницей, да?

– Да, и была с ним еще несколько месяцев. Постепенно она его полюбила и научилась понимать. Потом ко двору явилась девица Анна Болейн, и все изменилось. Ко двору также приехал мой отчим, и король устроил его свадьбу с мамой. Отчим был наследником моего отца и давно любил маму, только не смел обмолвиться об этом, пока был жив папа. Итак, они

сочетались браком в Королевской церкви и вернулись в Риверс-Эдж, наш дом. Однако мама всегда оставалась самой верной подданной королю. По его просьбе она дважды приезжала ко двору с краткими визитами. В первый раз, чтобы помирить его с принцессой Арагонской, и во второй – когда казнили госпожу Анну. Больше она сюда не приезжала.

– Как называет ее Хендрик? – спросила королева.

– Он называет ее своей «милой деревенской затворницей», – с улыбкой ответила Нисса.

– А ты, Нисса, тоже деревенская девушка или тебе нравится при дворе? Мне кажется, здесь очень интересно и весело. А при дворе моего брата такая скука! Ни карт, ни танцев, ни красивых платьев.

– Да, ваше величество, при дворе может быть очень весело. Но я как моя мама. Я предпочитаю сельскую жизнь, – ответила Нисса. – Тем не менее я считаю великой честью служить вам, а моя тетя надеется, что здесь я найду мужа.

– А дома у тебя никого нет?

– Нет, мадам. Моя семья в отчаянии. Мне уже семнадцать, но у нас дома нет ни достойного джентльмена, ни какого другого, чтобы он пришелся мне по сердцу, – ответила королеве Нисса. – И если вы недолго будете нашей королевой, мадам, что тогда станет со мной? Известно ли вам, когда король предполагает объявить брак недействительным?

– Полагаю, это произойдет весной. Хендрик не из тех мужчин, кто может долго обходиться без женщины. Ты заметила, как блуждают его глаза? Он улыбается, когда задерживает взгляд на Анне Бассет, на маленькой Говард и на тебе. Неужели не замечала?

– На мне? – ужаснулась Нисса. – О, мадам, это невозможно! Король был любовником моей матери. Он так стар, что годится мне в отцы.

Она побледнела и, казалось, вот-вот упадет в обморок. Королева ласково погладила ее по плечу.

– Нисса Уиндхем, – сказала она со смехом, – Хендрик и мне годится в отцы. Возможно, я наслушалась сплетен. Возможно, его доброе отношение к тебе объясняется любовью, которую он некогда питал к твоей матери.

– Конечно! – воскликнула Нисса, с трудом переводя дух. – Я уверена, что его величество смотрит на меня так же, как смотрит на леди Марию или леди Елизавету.

Тем не менее Ниссу смутили слова королевы, но ей не с кем было поговорить – она не смела заикнуться даже тете. Ведь это значило бы предать доверие королевы. Что будет, когда брак Анны Клевской и Генриха Тюдора подойдет к концу? Министры будут настаивать, чтобы король взял новую жену; женщину, которая подарит ему еще сыновей. В последнее время король частенько говорит о том, насколько лучше брать в жены англичанку, чем иностранку. Ниссе вдруг пришло в голову, что кое-кто из членов Тайного совета уже всю присматривается к ней. Ее добродетельное поведение и преданность королеве теперь приобрели новый смысл. Это ее щит, за которым она сможет спрятаться!

В марте Генрих Тюдор сообщил Совету, что консуммировать брак с Анной Клевской решительно невозможно. И Тайный совет понял, что ему приказывают – в завуалированной форме, в манере Генриха – искать способ избавить короля от супруги. Король настойчиво внушал министрам мысль, будто между Анной и герцогом Лотарингским все-таки был заключен брачный контракт...

– Ваше величество, мы непременно проведем повторное расследование, – заверил короля Томас Кромвель, а герцог Норфолк едва сдерживал смех.

Поблагодарив Совет, король удалился, оставив их совещаться. Члены Тайного совета воззрились на Кромвеля.

– Не было никакого контракта, – вяло отбивался тот. – Еще прошлой осенью, до того, как был подписан брачный контракт нашего короля, мы послали к нынешнему герцогу Лотарингскому. Это его предлагали в женихи Анне Клевской, когда они оба были детьми. С тех пор он

унаследовал герцогство от своего отца и клянется, что никакого предварительного соглашения не было. Он искал его среди отцовских бумаг. Даже заставил разговаривать его исповедника! Никаких доказательств контракта! Священник его покойного отца сказал, что возможность этого брака обсуждали лишь однажды и вскользь и к этой мысли больше не возвращались. Король не сможет расторгнуть брак на столь шатком основании.

– Он от нее избавится, Кром, – сказал герцог Норфолк. – Его терпение на исходе, ему нужна женщина в постели. Мне говорили, что он пожирает глазами всех красивых женщин двора. Он не станет спать с этой фламандской кобылой. Но, думаю, он еще способен зачать сына. Одного принца недостаточно, джентльмены! Мы должны сделать так, чтобы в королевскую детскую заполонили новые английские принцы!

– Согласен, – елеинным голосом сказал епископ Гардинер.

– И все же, королева – достойная женщина, – мягко заметил архиепископ Кентерберийский. – Мы не можем оскорбить эту безупречную даму. Это недостойно нас, англичан! Если брак необходимо расторгнуть, это следует сделать путем аннулирования. С королевой следует обращаться бережно и предложить щедрое вознаграждение за ее согласие. Думаю, джентльмены, что с этим все согласятся.

– Но что, если она будет упорствовать, как та испанская сука? – спросил герцог Норфолк. – В конце концов, вина лежит на его величестве. Разве не твердил он всем и каждому, кто соглашался слушать, что он не может с ней спать? Что, если она не уступит? Нам придется искать иной способ. Но что можно придумать, кроме... – Он быстро провел ладонью поперек горла. Лицо у него было мрачное.

– Томас, Томас, – мягко пожурил герцога архиепископ. – Эта леди ничем не похожа на принцессу Арагонскую. Ее можно вразумить. Я сам поговорю с ней. Что вы думаете, Кром? Аннулирование?

Томас Кромвель кивнул.

– Это единственный путь, милорды!

– Тогда вы должны предложить это королю. Посмотрим, что он скажет, – предложил архиепископ Кранмер. – С позволения его величества я займусь делами королевы. Нельзя, чтобы она почувствовала себя оскорбленной. В ее жилах все же течет королевская кровь.

– Как и у испанки, – буркнул герцог Норфолк.

– Это совсем другое дело, Томас, – терпеливо возразил архиепископ.

– Возможно, король не захочет, чтобы его выставили на всеобщее осмеяние, – раздраженно заметил Кромвель. – Какой мужчина захочет признать слабость подобного рода?

– У него нет выбора, – ответил рассудительный епископ Гардинер. – Ему придется пойти на жертвы, если он хочет избавиться от этой королевы.

– Но мы говорим не о рядовом мужчине, – злился Кромвель. – Мы говорим не о ком-ином, как о Генрихе Тюдоре!

– В этом мы тебя поддержим, Кром, – заверил канцлера герцог Норфолк. – Борьбу партий придется отложить, поскольку речь идет о благе Англии. Вы согласны, джентльмены? – Он обвел взглядом сидящих за столом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.